

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

„Volné Kozactvo“

67

25-го октября 1930 г.

ПРАГА

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

25-го жовтня 1930 р.

ПРАНА

РІК ВИДАННЯ 3-ій

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Я. Рудик: * * * Вірш (Verše).
  2. В. Курганский: Дуэль (Souboj).
  3. О. Печеніг: Туга (Touha).
  4. Конст. Поляков: За свободу (Za svobodu).
-
5. Большевики в Казачьих Землях (Bolševici v Kozáckých Zemích).
  6. Страницы казачьей истории (Stránky kozácké historie).
  7. П. И. Кокунько: Наше прошлое (Naše minulé).
  8. Н. Нечуй-Левицкий: Свой к своему (Svůj k světu).
  9. А. А. Гейман: Поправка к статье „Восстание казаков в Майкопском отд. в 1918 году“ (oprava ku statí „Kozácké povstání v r. 1918“).
  10. Думы и мысли (Dumy a mysli).
  11. Казаки в иностранной литературе (Kozáci v cizí literatuře).
  12. Казачье колонизационное дело (Kozácká kolonisace).
  13. Казачья эмиграция (Kozácká emigrace).
  14. В Казакии (V Kozakii).
  15. В СССР (V S.S.S.R.).

Почтовый ящик.

Югославия. — А. Ч. — Спасибо. Привет.
Югославия. — П. Н. — Спасибо. Привет.
Румыния. — В. Е. — Спасибо. Привет.
Болгария. — И. У. — Просьбу исполняем. Привет.
Харбин. — П. К. — Получено. Привет.
Перу. — Д. В. — Получено. Привет.
Франция. — А. Л. — Получено. Ответ — письмом.
Привет.
Франция — Е. Я. — Почему не прислали продолжения?
Ч. Тшебова. — П. Х. — Продолжение получено.
Привет.
Польша. — А. Т. — Получено. Привет.
Болгария. — А. Ш. — Хорошо. Привет.
Югославия. — Г. А. — Получено. Привет.
Польша. — И. Н. — Спасибо. Привет.

Варшава. — Н. Ш. — Добре.
Франция. — Д. В. — Ответ — письмом. Привет.
Болгария. — Я. Л. — Ответ — письмом. Привет.
Югославия. — А. П. — Получено. Привет.
Болгария. — П. К. — Получено. Ответ — письмом. Привет.
Франция. — К. К. — Это правда. Если бы казаки знали свою историю, они царских праздников бы не праздновали. Скоро, конечно, так не будет — откроются глаза и у Казачества — оно будет праздновать только свои праздники. Привет.
Югославия. — Н. Н. — Если бы казаки имели раньше подлинно свою, казачью, интеллигенцию, они не только не праздновали бы сейчас Алексея, но и за границей бы теперь не сидели, а давно бы уже жили в своем Доме. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.
Н. В. Аниканов. Княжево-Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.
А. Шапошников. Сливен.
С. Мукуленов. София, кв. Х.-Димитров, Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Ф. Г. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.
А. А. Гейман. Зајечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.
П. Апостолов. Скопље.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savitzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

В О ФРАНЦИИ:

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. И. Абушинов. M-r Abouchinoif, Cite Naval, 28 Couëron (Loire Inf.)

В ПОЛЬШЕ:

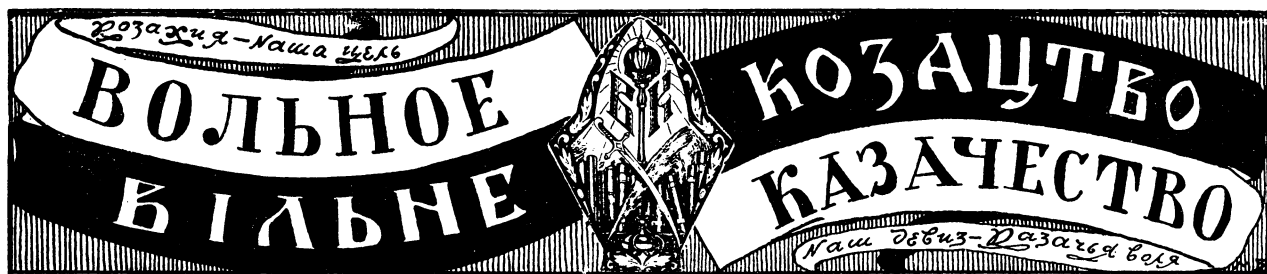
Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7. Warszawa.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, kolonja Urzednicza dom Lojewskiego.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

„VOLNÉ KOZACTVO“ ≡ „LES COSAQUES LIBRES“

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochová, 130. Tchecoslovaquie.

№ 67

суббота, 25 октября, 1930 — субота, 25 жовтня, 1930.

№ 67

Я. Рудик. (Прага).

* * *

Немов у дівчини наміста
Зухвалий парубок знімає, —
Холодний вітер вже зриває
Червоне, висохшеє листя.

А осінь дивиться з журбою:
Оздоба зірвана у неї,
Немов голівонька з лілеї;
І вітри бігають юрбою.

Кона природа вся у ранах,
Неначе лебедь на лимані...
Ах, так не хтів би у вигнанні
Спочить навіки на Ольшанах!

Вмирав би я — під сурми звуки,
Брати летіли б щоб до бою,
Щоб на прощання степ травой
Поцілував в уста за муки.

Я не шукав би більше долі, —
Кістки білили б на смарагді;
Кругом були б брати поляглі, —
Багато б їх спочило в полі.

Тепер ношу ганьбу неволі
У серці скраєнім до краю.
Світами, людьми я блукаю, —
Нігде не страчу свої болі!

Вадим Курганский. (Белград).

Дуэль.

Этим летом в жизни 15-летнего Кости, реалиста VI класса Екатеринодарского Реального училища, случилось важное событие, угрожавшее изменить всю его жизнь и заставит ее пойти по новому, совсем необычайному руслу...

Дело в том, что этим летом Костя, впервые в жизни, серьезно влюбился!..

Услышал он о „ней“, теперешней властительнице всех его дум и помышлений, в первый же вечер по приезде в станицу. После первых шумных приветствий, расспросов, объятий, просматриваний свидетельств о переходе в VI класс и похвал, когда Костю усадили за стол и принялись угощать обычными вкусными, свежими яствами станицы: парным молоком, маслом с белым хлебом, яйцами, мать вдруг, хитро подмигнув отцу, сказала:

— А до нас у станицу нова паненька приїхала!.. Ось тобі з Володею і веселіше буде!..

Костя мало внимания обратил на ее слова. Такая масса новых, радостных впечатлений охватила его, столько неотложных дел предстояло исполнить в самом ближайшем будущем, что казалось решительно некогда было думать о какой-нибудь паненьке, будь она красива, как сама Афродита. Еще нужно было обещать весь громадный (десятина!) сад, посмотреть много ли плодов принесет в этом году старая жердела; заглянуть в конюшню (отец уже давно писал, что купил новую гнедую, под пару Савке), подкормить старого Серого, осмотреть птичий двор, баз, амбары... А потом еще надо выбежать на улицу, поболтать с

ребятами, забежать к Володе, побывать на гребле... А потом наверно поедут с отцом на хутор, к деду, а он уже наверно опять расскажет что-нибудь про Запорожье, про переселение на Кубань, про Черноморцев... Ой, как интересно — ну, где тут до паненьки...

Едва утилив первый голод, поблагодарив мать и наскоро перекрестившись (он всегда помнил, как не любит отец, когда забывают сделать это), Костя стремглав бросился на двор... По дороге заскочил на минуточку в отцовскую комнату (собственно это запрещено, ну да уж по случаю приезда можно), благоговейно погрозил тяжелой, в серебре шашку, кинжал, плетью знакомый, теплый воздух, зафыркали, переступая с ноги на ногу, встревоженные кони... Громко лаял и гремел цепью у калитки Серый... Господи, как хорошо в станице, дома... Ну, где тут паненька!.. Разве ж мог тогда Костя подумать, что так быстро изменит свое мнение по этому вопросу... А вот случилось...

На другой день они с отцом вернулись от деда...

Уже за вечерело, было почти совсем темно. Костя помогал старому Гордию распрягать лошадей, когда голос матери окликнул его с крыльца: „Костя, иди сюда, у нас гости сидят!.. Костя бросил постромку, ко-

тую собирался отстегивать, напевая вбежал по ступенькам в столовую и... оштолбенел на месте от изумления...

За столом в столовой сидела — как ему в первый момент показалось, большая, фарфоровая кукла, — вроде тех, что выставлены в игрушечном магазине на Красной улице в Екатеринодаре... Ей-ей — такие же светлые пушистые волосы, большие глаза, чуть вздернутый, словно выгоченный носик, такие же мелкие, бисерные зубки, даже голубой бант в волосах такой же... Ну кукла, прямо кукла...

Он так смутился, что даже поклониться забыл и не заметил сидевшей рядом с девочкой пожилой, нарядно одетой дамы. Очнувшись он от громкого, раскатистого хохота отца, который, откинувшись на спинку кресла и запрокинув бритую голову, хохотал во всю мочь своих здоровых легких... Очнувшись и, покраснев до слез, вихрем вылетел из столовой... Вслед неся раскатистый смех отца, смех матери и пожилой дамы и даже — о позор — серебристый смехок „ее“!..

Дня три Костя бродил, как потерянный... Мать пробовала его укорять за постыдное бегство из столовой, но он затыкал уши и убегал от нее в сад. Ему мучительно стыдно было вспоминать об этом дне, покрывшем его несмываемым позором... Обходами да намеками выведал он у матери, что эта куклолка — ровесница ему по летам, что зовут ее Леночка, что она — дочь какого-то важного Петербургского чиновника, временно по делам службы переведенного в Екатеринодар, и что ее мать, вместо какого-нибудь курорта решила провести лето в станице, поближе к мужу... В этом Косте почудился какой-то таинственный перст судьбы. В самом деле — разве не странно, что мать Леночки из сотен Кубанских станиц выбрала именно их станицу?.. Нет, положительно в этом было какое-то указание свыше... Костя припомнил прочитанные романы — во всех решительно герой и героиня встречаются именно таким неожиданным образом...

Раза два, вечером, тайком от всех домашних Костя пробирался на другой конец станицы, к зданию школы, где у учителя снимала комнату мать Леночки, и осторожно, сквозь щели деревянного забора, заглядывал во двор... Оба раза ему повезло — во дворе, за столом, вместе с матерью и какими-то знакомыми сидела Леночка... Он слышал ее голосок и смех, так больно напоминавший ему день его страшного позора... Второй раз он вдруг подумал — а что, если войти?.. и, не додумав, убежал без оглядки — ему казалось страшным даже встретиться с ней, а уж заговорить!..

Однако, прошла одна неделя... другая... мать Леночки, вместе с дочерью заходила к ним несколько раз и как то незаметно Костя познакомился с „ней“. Не мало способствовало этому присутствие Володи — Костиного станичника и закадычного друга. Володя учился во Владикавказском корпусе, в качестве кадета был завзятым ухажером (за что Костя презирал его в былые времена) и на другой день по приезде уже познакомился с Леночкой... Вся кровь вскипела в Косте, когда он впервые увидел их вместе, и нежелание посрамиться перед „кадетом“ заставило его преодолеть свою робость... А потом... познакомились поближе и целые дни они с Володей проводили возле своей дамы... И Костю неизменно смущали два обстоятельства... Первым было то, что он уже давно, еще в бытность во II классе, определял свою будущность... Он твердо решил сделаться запорожцем... Когда он вырастет, он не будет брить голову наголо, как отец, а оставит посредине длинный „оселедец“ и оденет не черкеску, а синие шаровары и жупан, бережно хранящиеся у деда в ларце... Затем он соберет ватагу, отобьет назад старые запорожские земли и оснует новую Січ. Сам он будет кошевым, а Володька будет у него Войсковым писарем...

Так вот в этом то и была загвоздка — ведь, как известно, женщины на Січ не допускались, под страхом смертной казни... Что же прикажете ему делать с Леночкой, которая к тому времени уже станет его женой?.. Конечно, теперь она за него не пошла бы, но когда он будет статным запорожским атаманом, с оселедцем за ухом, с булавою в руках и золоченой „шашлюкою“ при боку — о, тогда!..

Костя переживал мучительные сомнения... Нужно было либо отказаться от Леночки... но это было решительно не под силу его нежно влюбленному сердцу; либо — от Запорожья... но это тоже было невозможно... Впрочем... Костя кажется слышал, что на Січ было много и женатых казаков, только они жили не на самой Січ, а возле нее, на хуторах... Так кажется жил и сам знаменитый атаман Иван Сірко, гроза турок и татар... Но Костя не мог припомнить наверняка — так ли это и решил в кратчайший срок побывать у деда и узнать все доподлинно... Если это верно, то еще не так плохо... Жаль, конечно, что придется жить не на Січ, а около, но что-ж... Вот только Володька... Ведь он останется на Січ и наверно, пользуясь отсутствием Кости, наделает ему гадостей...

Именно Володька и был вторым обстоятельством, смущавшим Костю. С некоторых пор Костя совсем перестал доверять своему другу. Да и неудивительно — разве ж можно доверять сопернику... а они с Володькой соперники, это несомненно... Почему иначе Володька так увивается около Леночки и никогда, ну никогда решительно не оставит ее наедине с Костей?.. Если близости Леночкина мама, или вообще кто-нибудь третий, тогда еще так-сяк, а наедине — никогда!.. И потом — почему он приносит Леночке в подарок цветы, и только ей одной... Ведь есть же в станице и другие девочки — ну хоть дочь священника Лиза — она тоже учится в институте — ей небось не принесит... Нет, Костю не проведешь, — он сразу заметил, что здесь что-то неладно.

А самое досадное было то, что Костя как то всегда оказывался на втором плане. Это наверно оттого, что Володя учится в корпусе, а там их обучают даже танцам и вообще обращению с барышнями. А Костя умеет танцевать только казачка, да еще лезгинку, но Леночка ни того, ни другого не умеет... И Володя так хорошо умеет разговаривать с Леночкой... У Кости уже через пять минут не хватает тем и он смущается, краснеет и чешет затылок, а вот Володя — никогда... И поэтому выходит так, что Леночка всегда обращает больше внимания на Володю, чем на него...

И даже сегодня... Ох, сегодня... Костя не может никак примириться с тем, что произошло сегодня...

Они поссорились, впервые поссорились из-за женщины, из-за Леночки, а она всецело была на стороне Володи! О Боже, не виноват же Костя в том, что поскользнулся на откосе, когда они бежали наперегонки (победитель должен был получить из рук Леночки кусочек ее голубой ленты на память), а Володя полетел кувырком через его ногу и в кровь разбил себе нос... Они — Леночка и Володя — остались в твердой уверенности, что он сделал это нарочно, потому что Володя явно прибежал бы первым. Не помогли никакие уверения — ленту получил Володя и кроме того Леночка собственноручно обмывала ему нос своим платочком, а его, Костю назвала нечестным... Это было уже слишком... Костя убежал оскорбленный до глубины души, пылая жадной мщенья, но самое ужасное было еще впереди... На прощание Володя с угрюмым видом сказал, что они еще поговорят „когда с ними не будет дамы“... Конечно, Костя ничего не имел против „разговора“, он с удовольствием бы помял хорошенько бока Володьке и не сомневался, что это ему удалось бы (к чести его противника необходимо заметить, что он не сомневался в противном)... Но именно тут-то Володя и разбил его на голову... Костя ожидал обыкновенной грубой драки (фи!) на кулаках, в лучшем случае на палках, а вместо этого Володя час тому назад прислал ему через соседского Гришку письмо, содержащее ни больше, ни меньше, как... вызов на дуэль, по всем правилам составленный...

И какое письмо!.. Костя несмотря на все свое раздражение против противника должен был с чувством мучительной зависти признать, что никогда не сумел бы написать что либо подобное... Составлено целиком в таких красивых и звучных выражениях — ни дать ни взять — роман!.. Чего стоит например, хоть это место: „я вижу, что между нами легла тень женщины и решить этот спор может только сила оружия... А посему благоволите указать Вашего секунданта“... и т. д. Прав-

да, Костя немного не понимал — при чем здесь „тень“ и кроме того ему казалось, что эту фразу он уже когда-то, где-то читал, но все равно — сути дела это не меняло... Письмо было написано здорово; Володя не забыл даже приписать внизу: „выбор оружия, места и времени, согласно правилам дуэлей, предоставляется Вам“. (и „Вам“ — с большой буквы!).

Ну какое же может быть сомнение — Костя, конечно, выберет шашки... На пистолетах далеко не так интересно, да их и трудно достать, а шашку стащить на пол-часа у папы в кабинете ничего не стоит... Шаги, конечно, были бы здесь более уместны, но их то уж решительно неоткуда было взять... К тому же Володьевский и с Кмицием, и с Богомун дрался на саблях... Костя опасался только, что тяжелая с серебряной резьбой шашка придется ему не по руке. Скверно так же, что Володя в корпусе обучается фехтованию, а он сам знает всего несколько приемов, да и то конной рубки, которые показал ему отец в свободное время... Но делать было нечего...

Перечитав еще раз письмо, Костя достал карандаш и сел писать ответ. Это было очень трудно — ему не хотелось ударить лицом в грязь, а слова, как на зло, не шли на ум... Наконец письмо было написано — конечно, не такое, как Володино, но все ж таки далеко не плохое. Чернилами пришлось переписывать три раза — один раз Костя по ошибке написал всюду „вы“ с маленькой буквы, а другой — посадил как раз на подписи громадную кляксу. Но, наконец, письмо было переписано и запечатано.

Теперь оставалось переговорить с сыном станичного писаря — Тимоей, которого он избрал себе в секунданты и попросить его доставить письмо по назначению. Спрятав конверт на груди, Костя отправился на поиски Тимы.

Будущий секундант сидел на заборе своего сада и камнями сбивал с верхушки дерева полуспелые жердлы. Когда Костя показал ему письмо и растолковал ему в чем дело, он едва не свалился на землю — так поразила его вся эта история... Конечно, Костя потребовал с него честное слово, что все это будет сохранено в тайне. Тима торжественно дал слово, тотчас же согласился на исполнение обязанностей секунданта и, забрав письмо, немедленно направился к Володе.

Костя побрел домой. Весь вечер прошел для него как в тумане. Волнение, радостное напряжение, ожидание и даже (стыдно было признаваться самому себе) страх волновали его. Вкусный, горячий ужин не лез ему в горло и, не дождавшись чая, он пошел спать, торжественно поцеловав на прощание отца, мать и маленького братишку — ведь почему знать, может быть он не увидит их больше никогда в жизни!

Под навесом амбара, где спал Костя летом, почему то казалось душно. Странно и жутко казалось все вокруг — подумать только — завтра на рассвете он встретится лицом к лицу со смертью... Мороз невольно пробежал по телу... Он представил себе, как его найдут убитым в глубокие балки за станицей, где он назначил место дуэли... Вот его приносят домой... убитого, или нет — раненого, с ног до головы покрытого черной запекшейся кровью, бледного... но он еще дышит... Мать плачет у него на груди, отец ходит из угла в угол большими шагами (совсем как два года назад, когда умер брат Всеволод)... Вдруг какой то крик во дворе... Вбегает Леночка... „Где он, где?“ кричит она и падает к нему на грудь (с тем, что на этой груди уже рыдает мать Костя не хочет считаться). Мама плачет, Леночка целует его и тоже плачет... Костя чувствует, что ему что то застилает глаза — он сам кажется собирается заплакать... Тыфу и это человек, которому предстоит завтра биться на смерть за право любить женщину... (Чорт возьми, а эта фраза у него вышла пожалуй ничуть не хуже, чем у Володи). Надо выпастись, а то завтра будет дрожать рука... Костя с удовлетворением отметил, что рассуждает, как настоящий зазвзятый дуэлист...

Он уже устроился поудобнее, собираясь заснуть, как вдруг внезапная мысль заставила его подскочить и сесть на кровати... А Леночка?.. Неужели ж он так и выйдет на поединок, будет ставить на карту свою жизнь,

не повидав ее?.. Нет, Костя чувствовал, что это свыше его сил (то-есть строго говоря не чувствовал, а знал, что должен чувствовать).

Он встал, оделся и начал осторожно пробираться к калитке... Еще не поздно, Леночка, конечно, еще не легла спать, ему наверно еще удастся повидать ее... а может быть... может быть... удастся даже поговорить...

Спущенный на ночь с цепи Серый сердито заворчал, но, узнав своего, виновато замахал хвостом... Только бы отец не услышал этого ворчания...

Калитка слегка скрипнула, Костя очутился на улице... Теперь скорее, в тени нависших через заборы ветвей — за угол и бегом по узким переулкам, до большого белого здания школы...

Костя осторожно прильнул к забору и заглянул внутрь двора. Он не ошибся — Леночка еще не спала... Все обитатели дома — и учитель с женой, и мать Леночки, и сама Леночка сидели за чайным столом во дворе. Косге сразу бросилось в глаза знакомое белое платье... Но что это?.. Сердце злое сжалось у Кости в груди...

Рядом с Леночкой, блистая новенькой, изящной формой сидел молодой юнкер... Как раз в это время он что то говорил Леночке, а та смеялась, откинувшись на спинку плетеного кресла и полу прикрыв лицо веером. Смех был какой то особенный, в этом Костя готов был поклясться... Ему показалось даже, что юнкер держал в своей руке маленькую ручку Леночки... Или нет?.. Необходимо было перебраться на другую сторону забора, за угол — оттуда должно было быть виднее...

Костя торопливо пробежал вдоль забора, завернул за угол и... едва не сбил с ног приземистого, вихрастого кадета — своего завтрашнего противника Володю...

С минуту соперники молча смотрели друг на друга, оба сильно смущенные этой неожиданной встречей... Затем, опомнившись, Володя вдруг отвесил церемонный поклон, повернулся и пошел по улице разбитной походкой, вздернув плечи и насистывая песенку... Костя растерянно поглядел ему вслед, даже не ответив на поклон, потом, тоже повернулся и медленно побрел домой... Сладостное, волнующее чувство ожидания вдруг исчезло, сменившись тупым ощущением тоски и обиды. Он уныло перелез через забор, так как калитка уже была заперта на ночь, не раздеваясь улегся на постель и долго ворочался с боку на бок...

Ему показалось, что он только что задремал и все ж таки, когда он открыл глаза и испуганно вскочил с постели, было уже совсем светло. Правда, солнце еще не взошло, но вот-вот должно было взойти. На станице уже скрипели колодезные журавли, слышалось мычание коров,фыркали лошади... Проспал, совсем проспал, а еще сам назначил время дуэли на рассвете...

Опрометью бросился он к дому. Слава Богу — там все еще спало крепким сном. Осторожно он поднялся на заваulinку и заглянул в комнату отца. Его не было; впрочем, Костя знал, что отец еще ночью должен был уехать в поле... В полумраке комнаты на стене тускло поблескивала серебром заветная шашка. Костя бесшумно открыл окно (он еще заранее, с вечера, выдвинул задвижку) и, затаив дыхание, влез в комнату...

Через несколько минут, с шашкой под мышкой, перебравшись через забор сада, Костя во всю прыть летел по переулкам, не обращая внимания на свирепый лай дворовых псов, злобно преследующих его по другую сторону заборов.

Еще издали, сверху, завидел он на дне балки у серебрястой ленты реки три фигурки... Все были уже давно в сборе... Секунданты встретили его радостными возгласами, а противник — сухим поклоном и долгим, презрительным взглядом.

После первых приветствий наступила некоторая заминка — никто не знал, что, собственно говоря, следует предпринимать дальше. Все взоры обратились к Володе — он один мог вывести из создавшегося затруднительного положения... Тот молча взял с земли простую, с костяной рукояткой шашку и обнажил ее.

„Секунданты, осмотрите оружие!“ торжественно проговорил он, протягивая шашку своему секунданту... „И выберете хорошее, ровное место... А вас я попро-

шу на одну минутку сюда!..“ добавил он, обращаясь к Косте и отходя немного в сторону. Передав шашку Тиме, Костя последовал за ним.

„Вот это я попрошу Вас передать, в случае, если Вам сегодня посчастливится — ей!..“ так же торжественно проговорил Володя, протягивая Косте маленький, розовый пакет, с написанным тщательным почерком адресом.

Костя молча кивнул головой. Он едва не захлебнулся от зависти и обиды — а ведь он даже не подумал ни о чем подобном... Ох, этот Володя... Даже и тут он превзошел его, Костю...

— Ну, що ж — зачинайте, чи що!.. с явным нетерпением проговорил Тима, подходя и подавая шашку Косте.

— Вы смеряли оружие? спросил Володя, беря свою шашку.

Еге-ж!.. Одинакові, тільки Котькина важка дуже!..

— Тогда, может быть, бросим жребий? проговорил Володя, обращаясь к Косте, но последний только отрицательно мотнул головой... Его била лихорадка нетерпения... Рука, державшая рукоятку, слегка дрожала, несмотря на все усилия сдерживать волнение.

Между тем Володя положил на траву шашку, медленно снял рубашку, обнажившись до пояса и снова взял оружие. Костя только ту же подтянул пояс.

— В последний раз питаю — може ще помириться? сказал вдруг, выступая вперед, Гриша (ну, конечно, его научил Володя).

— Наш спор не из тех, которые разрешаются мирным путем!.. торжественно возразил Володя. Костя передернул плечами, но не сказал ничего.

— Ну, як що так!.. Гриша отступил на шаг и махнул рукой.

С Богом!..

Шашки лязгнули... И точно этот холодный лязг сразу охладил волнение Кости... Он сразу успокоился... Казачья кровь зашумела в жилах... Пальцы цепко охватили рукоятку, глаза вспыхнули боевым огнем, рука отвердела и словно сама делала нивесть как, через столетия, от отца — сыну переданные движения... Он весь подобрался, мускулы напряглись, движения стали быстры и точны... С первого же столкновения, когда Володя нанес первый удар и отступил, Костя понял свои слабые стороны и свои преимущества. Володя, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, был ловче его и быстро владел своей более легкой шашкой, но зато Костя превосходил его силой и, кроме того, удары его тяжелой шашки трудно было парировать. Заметив это он изо всей силы отбил в сторону удар Володи и резко перешел в атаку... Володя начал медленно отступать. Его шашка со звоном отскакивала при каждом столкновении с тяжелым оружием противника и несколько раз он с трудом избегал удара, отскакивая назад... Но в свою очередь он сообразил, что, размахивая таким образом тяжелой шашкой, Костя быстро утомится, а тогда наступит его черед действовать... И он продолжал отступать, терпеливо выжидая...

Шашки звенели, оба секунданта, затаив дыхание, с вытаращенными глазами следили за поединком... Бойцы, особенно Костя, уже начинали тяжело дышать, на лбу у них выступали капли пота... Солнце уже взойшло и лучи его скользили по верху балки, не добираясь еще до ее глубины.

Костя стиснул зубы. Он чувствовал, как медленно

немеют от усталости мускулы... Еще немного — и он не сможет поднять шашку...

И в озлоблении он наносил новые и новые удары, наскакывая на своего противника... Только бы подогнать его к реке, чтобы ему некуда было отступать, а там... один удар носилки и... Но что же — и?..

Костя вдруг представил себе Володино лицо, разрубленное пополам, Володин неподвижный труп, и шашка задрожала в его руке... Он как то до сих пор не отдавал себе отчета, что может убить, или хотя бы ранить противника.

Как — убить вот этого самого Володю, с которым они вместе крали арбузы, вместе купались, ловили раков на лимане, убить его?..

Рука вдруг сразу онемела, не слушаясь, лезвие шашки опустилось...

В ту же секунду что то, как молния, блеснуло перед глазами Кости, он почувствовал удар в плечо, острую боль и, вскрикнув, упал на траву без чувств...

Когда от открыл глаза, бледное лицо Володи низко склонилось к нему... Костя слегка поднял голову и растерянно оглянулся... Он лежал навзничь под кустами, куда, повидимому, оттащил его Володя. Обоих секундантов и след простыл.

— Ну, что — как тебе? тихо спросил Володя.

— Ничего!.. Только плечо... болит... да слабость, так же тихо ответил Костя.

— А приподняться сможешь? В голосе Володи зазвучала какая то таинственность: Постой, я тебе помогу!..

В первый момент у Кости закружилась голова, но это тотчас же прошло. Лезвие шашки, к счастью, только слегка задело плечо, не разрубив ключицы. Через минуту Костя, с помощью Володи, уже поднялся на ноги.

— Иди сюда, я тебе хочу показать что-то! прошептал Володя.

Костя неуверенно сделал несколько шагов.

— Смотри!.. торжественно, как никогда, провозгласил Володя, раздвигая ветви кустарника: Вот то, из-за чего мы бились!..

В нескольких десятках шагов от них, на берегу реки стояли рядом Леночка и молодой юнкер. Он держал одной рукой поводья двух оседланных лошадей, а другая... другая лежала вокруг талии Леночки... И она не только не протестовала против этого, но еще вдвобок положила свою головку ему на плечо...

Володя отпустил тотчас сомкнувшиеся ветви. Костя растерянно посмотрел на приятеля.

— Женщина всегда останется женщиной!.. скорбно произнес Володя: но, казакам недостойно ссориться из-за юбки!.. Я виноват перед тобой, Кот — прости, и будем друзьями...

— Будем друзьями!.. как эхо повторил Костя, хватая протянутую руку, даже не подумав, что Володя опять оказался умней его... Друзья крепко обнялись, затем Володя взял из рук приятеля розовый конверт и разорвал его на тысячу кусков...

В это время наверху балки показалась целая толпа женщин и стариков, предводительствуемая матерями обоих дуэлянтов... Очевидно, перепуганные секунданты успели переполошить уже всю станицу...

Костя вздохнул, посмотрел на свое окровавленное плечо, на Володю, который с угрюмым выражением лица вытирал шашку и молча присел на откосе, готовый со стоическим хладнокровием встретить неприятные последствия своей первой дуэли из-за женщины...

Оксана Печеніг. (Прага).

Т У Г А.

Де шукать вас, брати дорогі?
В далекий чужиний землі?

Серед рідного поля одна я сама;
Вітер хустку здирає, зніма;
Я — сліпа, я — бліда:
Навкруги — ні сліда...

Хто це пісню завів?
Так знайомий мотив...
Що цей вітер співа
І плачем завива?

Я — одна самотою на рідній землі...
Де ж шукать вас, брати ви мої?..

Константин Поляков.
(Прага).

ЗА СВОБОДУ.

Снова зима! Сугробы
Заволокут родимую степь...
Казаки, поднимайтесь, чтобы
С рук сшибить кандальную цепь.
От Кавказа до русской границы
Горе загасило в куренях огни...
Только вороны, жуткие птицы,
Радостным криком встречают дни.

Только вороны, да красные солдаты
Сделали красными светлые дни.
Не одного казачьего брата
Вывели в расход они.

В кожаных куртках комиссары,
С вороненым наганом в руках,
Опустошают наши амбары,
Хозяйничают в наших дворах.

Что я скажу вам: слушайте!
Там, в степях московские роты
Стон наших братьев глушат
Винтовками и пулеметом...

И рек наших чистую воду
Поганят российские кони...
Вставайте-ж, вставайте за свободу!
Народ наш в неволе стонет.

Сугробы, сугробы там, братья,
Заволокут и вершины холмов...
Отвагой ряды спаяйте,
Чтоб меньше там было гробов.

Снегом заволокутся тропы,
Запеленает степные большаки...
Казаки — на улицах Европы,
В куренях их — большевики.

Распяли там нашу Свободу,
Над волею нашей хохочат,
А здесь отщепенцы народа
На свой же народ сабли точат...

Пойми в себе силу тот,
Кто имеет честь зваться народом,
Брось, швырни на эшафот, —
Изменников Казачьей Свободы.

Не говорю я это случайно,
И не пишу я это сгоряча, —
Мне стыдно, больно до отчаянья
За позорящих блеск пернача.

За тех, кто честь народа
И достоинство его топча,
Продают Казачью Свободу
За шубу с царского плеча.

Плачем и горем народным
Покупают себе благодать...

.....

Час пробил, мы будем свободными,
Мы сможем оковы сорвать.

Да здравствует наша Свобода!
Мы вернем то, что было тогда...
Конституция 18-го года
Раз... и навсегда!

13-X-1930.

Большевики в Казачьих Землях.

II.

Казачество не пошло на ловушку со с'ездом (1925 г.), ибо поняло, что таким путем большевики хотят отвлечь его внимание от главного. Главное же заключалось в том, что Москва крепко держалась за возможность бесконтрольной эксплуатации наших Краев, что управление станицами, округами и Краем, распоряжение землею попрежнему оставалось в чужих и враждебных Казачеству руках, а само население также попрежнему должно было оставаться на положении пассивного исполнителя велений оккупантов-правителей, на положении овцы, покорно подставляющей свою спину для стрижки. Главное заключалось в том, что как виды и формы, так и размеры налогов и их употребление устанавливались и определялись Москвою. Суть дела состояла в том, что соввласть попрежнему могла бесконтрольно и по своему произволу вести так называемую политику „твердых цен“, и население Казакии не получало ровно никаких средств для самозащиты от нее.

А политика твердых цен, как известно, хотя и простая, но очень хитрая штука. Все фабри-

ки и заводы, а следовательно — и вся их продукция, начиная от молотилки и плуга и кончая гвоздями и нитками, т. е. все, что хлебороб вынужден покупать, находится в руках государства, Москвы, и цены на все это устанавливает Москва. С другой стороны, Москва же устанавливает твердые, т. е. обязательные цены и на все продукты сельского хозяйства, — хлеб, скот, шерсть, кожу, овчину и даже коноплю и клещевину. Она и установила, скажем на 1929 г., цены: аршин ситцу — 50 коп., фунт сахару — 30 к., пуд хлеба — 95 к. — 1 р. 5 к., в зависимости от природы, засоренности и проч.

Как ни „прост“ наш хлебороб, он все же хорошо отличает палец от ноги, скажем, и потому хорошо понимает, что эта самая „политика твердых цен“ забирает у него из закрома по меньшей мере еще 3 раза тот налог, который он платит из кармана.

Казак отлично понимал, что тем, что он оденет черкеску, хотя бы и с кинжалом даже, он не оградит ни своего Края, ни свои закрома от грабежа советским государством, и потому просто посмеялся над „хитрой“ московской затеей со с'ездом для „решения“ казачьего вопро-

са. Когда же с 1926 г. цены на фабрикаты и продукты сельского хозяйства стали расходиться еще более, казак сократил свой посев до того почти, сколько нужно для своей семьи и увеличил посев конопли для белья.

Русский крестьянин, которого и обирают-то гораздо меньше (казачье хозяйство той же мощности платит в $1\frac{1}{2}$ —2 раза больше налога), имеет хоть то утешение, что это — его государство, что оно обстраивается фабриками, заводами, мощными электро-установками и т. под. Казак и этого не имеет, он — просто работник у чужого хозяина. Все, что у него забирают, идет в Москву. За 10 лет большевики удосужились приступить, — не построить, а только приступить, — к постройке единственного завода на всей территории Казачьих Земель, завода сельхоз. машин в Ростове. А ведь, если бы хоть десятая доля того, что взято Москвою за эти 10 лет из наших Краев, осталось на месте и было употреблено на строительство, мы имели бы теперь десятки первоклассных фабрик и заводов, которые уничтожили бы в будущем нашу зависимость от ввоза чужих фабрикатов. Большевицкая же Россия, как и царская, делает все, чтобы именно увеличить эту зависимость и при том за наши же средства.

Да, таков закон жизни: горе побежденному, горе народу, потерявшему право быть хозяином в своем доме...

Сокращение посевов впервые дало себя остро почувствовать осенью 1926 г. Ни весной, ни летом большевики не заметили, что хлебороб Казачьих Земель (и Украины!) почти на половину сократил свой посев. До того времени они начинали вести свои наблюдения лишь с момента, когда начинают выявляться виды на урожай. По всем данным урожай в том году должен был получиться выше среднего, во всяком случае не хуже, чем в 1925 году. Поэтому, как и полагается по всем правилам „планового ведения государственного хозяйства“, еще в середине лета, когда хлеб далеко еще не созрел, большевики уже заключили договоры с границей на поставку хлеба, базируясь на результатах урожая „прошлого года“. Положение, и без того не предвещавшее для них ничего хорошего, значительно ухудшилось оттого еще, что в самом конце июня, когда происходит налив зерна, случился северо-восточный ветер, сухой и горячий летом — суховея, с необычайной силой дувший в течение целой недели. В результате — „захват“ почти по всему Северному Кавказу, зерно сморщилось, и „натура“ его должна была получиться самая низкая.

Осенью, совершенно неожиданно для себя, наши оккупанты оказались, что называется в большом конфузе. Надо было видеть их смущение и газетный шум, а с другой стороны — злорадую усмешку хлебороба, когда выяснилось, что приходящие к договорным срокам иностранные пароходы не могут грузиться за отсутствием хлеба или вследствие его брака, и больше-

вики должны были платить и за простой судов, и неустойки по договорам.

Заметив такой эффект, хлебороб и не думал в следующем году увеличивать свой посев, не смотря ни на какие уговаривания и агитацию о „расширении посевной площади и повышении урожайности“ и т. д. И осенью 1927 г. встал вопрос уже не о поставках хлеба за границу, а о недохвате его для городов и хлебопотребляющего Севера на зиму.

Однако, на этот раз хлеборобу уже не пришлось торжествовать...

С октября, когда выяснилось, что хлеб почти не поступает на рынок, большевики приступили к насильственной „качке“ хлеба. Одновременно они стали проводить наспех состряпанный закон о „самообложении“, от которого не было возможности отбиться ни руками, ни ногами, насильственно распространять облигации „займа укрепления крестьянского хозяйства“ и, наконец, — „государственную заготовку хлеба“. Цель всех этих мероприятий заключалась единственно в том, чтобы под тем или иным предлогом, тем или иным способом взять у хлебороба Юга (ибо такова же политика была и на Украине) хлеба для Севера или, выражаясь на большевицком жаргоне, — „изъять у кулака хлебные излишки“. А так как у хлебороба и без того еле хватило бы хлеба для своей семьи, то это „изъятие“ превратилось в открытый, организованный государством грабёж поголовно всей хлеборобской массы Юга: Казакии и Украины.

„Активисты“ и „беднота“, т. е. вся „набробда“, по определению нашего хлебороба, приглашалась „зорко следить за всеми ухищрениями кулака“, за количеством имеющегося у хлебороба зерна, не прячет ли он в ямы, не вывозит ли и т. д. и обо всем доносить надлежащим властям. Пошли обыски, сначала сравнительно редкие, а затем почти поголовные, и если обнаруживалось, что у хлебороба имеется более, чем по 2 пуда на едока в месяц до нового урожая, весь хлеб у него конфисковался (забирался без всякой платы) „в пользу государства“, а сам „виновный в сокрытии излишков“ проходил через показательный суд и направлялся в тюрьму от 6 мес. и до 3 лет. Тех же, кто пытался возражать или доказывать на собраниях или даже в отдельных кружках что-либо, что противоречило „проводимым кампаниям“, судили по статье о контр-революции, т. е. уже как „государственного преступника“, и гнали в тюрьмы до 3 лет, со строгой изоляцией. В результате — уже в декабре повсеместно тюрьмы оказались переполненными до последней степени. Так, например, Армавирская тюрьма, рассчитанная при царях на 260 ч., в январе — апреле 1928 г. заключала в своих стенах в среднем свыше 950 человек.

В конечном счете хлеб из наших Краев „выкачали“ до такой степени, что хлебороб вынужден был питаться ячменем, парным бураком и в лучшем случае — кукурузой.

К началу лета выявилось весьма характ-

ное обстоятельство. Ехавшие на Юг с Севера рассказывали, что до Воронежа на любой станции можно было купить хлеба, сколько нужно, а на Дону и на Кубани, в самой, так сказать, житнице, нельзя и сухой корки достать ни за какие деньги.

Как на беду, зима и весна 1928 г. оказались необычайно затяжными и на редкость холодными. Не хватило и для скота корма. Дело закончилось „изъятием кормовых излишков“ — сена и соломы.

Кругом стоял стон. В поисках выхода, хлебобороб заматался из стороны в сторону. Прослышав о том, что переселенцам предоставляются льготы, — на 3, на 5 лет освобождают от налога, дают отсрочки даже по отбыванию воинской повинности, на льготных условиях или даже бесплатно отпускают лес для построек и т. д., многие ухватились за эту мысль и бросились на поиски новых, свободных земель. И, начиная с зимы 28—29 г., Азербейджан, главным образом районы Геокчая, Мугани и Мильской степи, стали заполняться целою волною ходоков и разведчиков с Дона, с Кубани и даже Ставрополя. Летом 1929 г. в районе Геокчая, рядом с молотканским селом Ивановкой, уже сидел поселок из кубанцев Тихорецкого района.

А тем временем такая переселенческая волна двинулась на наши Края из Белоруссии и северо-западной части Украины. Можно было думать, что чья то сознательная рука тут проводит продуманный сатанинский план: наше население разрезать белоруссами и украинцами, а казаками — азербейджанцев с тем, чтобы и тех, и других, и третьих держать в своем повиновении при помощи этой дьявольской перетасовки. Заметив это, многие остановились:

„Так что же, выходит так, что нас выжидают с нашей земли с тем, чтобы на нашем месте поселить пришельцев? Нет, братцы, за свою землю зубами держись!“

С осени 1929 и весны 1930 гг. большевики приступили к коллективизации сельского хозяйства. До этого они утверждали, что путь сельского хозяйства к коммунизму лежит только через кооперацию. Теперь этот „единственный путь“ признан негодным и избран новый (заведомо негодный!). Правда, они и раньше усиленно насаждали и щедрой рукой поощряли коллективные хозяйства, — коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли и проч. Из этого, однако, ровно ничего не получилось, особенно с точки зрения „грандиозных“ большевических планов. В подавляющем большинстве случаев коллективисты проедали и разворовывали отпускавшиеся им кредиты, захваченный в экономиях скот, орудия, машины, затем ссорились, дрались и, наконец, разбежались. Да иначе и не могло быть, ибо в коммуны шли не те, кто житейским опытом убедился в выгодности и преимуществax этой формы хозяйствования, а почти исключительно „краса и гордость октябрьской революции“, которую сами же большевики убеждали, что надо „грабить награбленное“. И в ком-

муны шли грабить, проедасть готовое, а не работать.

Теперь большевики перешли к „сплошной“, т. е. по существу обязательной, насильственной коллективизации, ибо ведь добровольно ни один хутор, не говоря уже о станице да еще с двадцатитысячным населением, не может пойти на то, на что он не пошел даже тогда, когда предоставлялась полная возможность завладевать хорошими экономиями с постройками и всевозможным инвентарем. Ни о какой добровольности теперь, разумеется, и речи быть не может. Все их газетные и митинговые разглагольствования о добровольности, о том, что вот такая-то станица или хутор, на опыте убедившись в преимуществах крупного коллективного хозяйства перед единоличным, постановили всем вступить в колхоз, предназначены для обмана, для втирания очков отчасти внутри, но главным образом за границе. В действительности дело обстоит так, как пишут в письмах оттуда: „У нас забрали в коллектив пару быков, 1 корову, всех овец, плуг, а нам оставили только корову с телкой да свинью с поросятами“. В действительности дело обстоит так, что большевики хотят насильственно превратить хутора и станицы целиком в колхозы с тем лишь, чтобы не допустить население до открытых восстаний. И хлебобороб идет в колхозы, потому что над его головою висит огромный и всепроникающий принудительный аппарат государственной власти вплоть до самых диких и самых изощренных форм и методов террора. Хлебобороб идет в колхоз, как не может не идти он в тюрьму или на расстрел, когда у него „четыре сбоку“.

Колхоз — это вотчина, помещиком в которой является партийная большевическая организация. Колхозник — это крепостной крестьянин, если не горше, не хуже, — затычка на всякую грязную дыру, попыхач, которым будет помыкать „полевод“, „бригадир“ и вся свора бездельников-паразитов из „наброды“, которая присосется ко всякого рода „административным“ и „командным“ должностям в колхозе.

Загнанный в колхоз, хлебобороб теряет какое бы то ни было право распоряжения результатами своего труда. Все будет зависеть от произвола парт'ячейки. Хлебобороб должен будет при всяком удобном случае громко, во всеуслышание высказывать свою „пламенную“ благодарность „нашей“ партии и „нашему рабоче-крестьянскому“ правительству, чтобы иметь хлеб для детей и не ходить без штанов. Распоряжение всей продукцией колхоза будет находиться в руках администрации, состоящей обязательно из коммунистов, которые сделают сначала все, чего потребует Москва, а потом уже будут думать (если будут!) о том, как и чем прокормить колхозников. О себе то они уже во всяком случае позаботятся.

Таким образом, из коллективизации красная Москва думает сделать наиболее действительное и всепроникающее средство для высасывания всех соков из „окраинного“ хлебобороба.

Наш хлебороб несомненно понимает, что через коллективизацию 'го стремятся закрепить, и потому борется против нее всеми доступными в его положении средствами и всеми способами, как сообщают об этом большевистские же газеты: не спешит с пахотой и посевом, затягивает уборку и обмолот, гноит хлеб в полях, не свозя его домой и оставляя лежать в валках до самого сентября; вкладывает в снопы куски железа и камни, устраивает пожары и т. д. и т. д.

Только тот, пожалуй, кто сам подбирал на поле даже отдельные колоски, поймет, что должен сейчас испытывать наш хлебороб, если он решается гноить и жечь уже убранный хлеб.

Стон стоит сейчас над нашими Землями и клокочет ярая, ничем непримиримая ненависть к угнетателям. Там идет борьба, глухая пока, но упорная, настойчивая, беспощадная и непримиримая, борьба не на жизнь, а на смерть.

Когда она придет к концу, нам не дано знать. Но одно несомненно: не было еще в истории случая, чтобы народ, имеющий волю к жизни, не сбросил с себя ига ненавистных поработителей.

Тягчайшие периоды переживало Казачество за свою многовековую историю, но рабства оно не знало никогда, рабом казак никогда не был. Казак и воля — это синонимы. Казак и рабство — вода и пламень. Кто же осмелится сказать, что казаки теперь станут рабами?

Красная Москва в сущности только продолжает и углубляет дело Москвы черно-желтой, царско-дворянской.

Спекулируя на племенном родстве, на общности языка и религии, обманом, хитростью создавая экономическую зависимость от себя, царская Москва добилась, наконец, того, что Вольное Казачество в проклятый час 29 августа 1671 года принесло ей свою присягу. А менее чем через 50 лет, 19 апреля 1709 г., палач Казачества Петр I „вышел полюбоваться, — говорит историк Дона Сватиков, — на поверженное в прах донское народоправство“ и донскую независимость, полюбоваться на воткнутые, по его приказанию, на колья на войсковом майдане головы двух последних атаманов, — Кондрата Булавина и Ильи Зерщикова.

Камень за камнем последующие цари разобрали потом и растопили всю храмину ненавистной им казачьей демократической государственности, а самое Казачество шаг за шагом довели до положения военно-служилого сословия в своем крепостническом, рабском государстве. Но окончательно подстричь его под общую гребенку, обратить его в крепостное состояние царям так и не удалось. Это пытаются теперь сделать большевики, красная Москва.

Допустим на одну минуту то, чего не случилось в исторической действительности. Допустим, что народная „раскольниковья“ партия, партия донской независимости яснее откристаллизовала в свое время свои политические взгляды, организовала свои ряды и, одержав верх над старшинской „московской партией“, защити-

ла донскую государственную независимость от Москвы Алексея Михайловича и Петра I. В таком случае Дон безусловно сохранил бы и до наших дней, скажем до начала германской войны, хотя бы остатки своей независимости, хотя бы государственную автономию, — достаточно полномочный Войсковой Круг, выборного атамана, свою армию и достаточно налаженный административный аппарат. Не ясно ли, что при таких условиях Дон с большим бы успехом предоставил России вариться в 1917 г. в собственном котле, а сам вместе с Кубанью и другими Казачьими Землями пошел бы своей дорогой, чем сделал он это в действительности, когда всю свою государственность ему надо было строить заново? И не может быть сомнения, что Казачество при таких условиях отстояло бы свою независимость от большевистской Москвы, а возможно, что большевики и носа не сунули бы к нам. Но перед ними лежала проторенная дорога в наши Края, и они пошли по ней. И вот теперь мы имеем 3 года кровопролитнейшей и жесточайшей войны, закончившейся оккупацией нашей Родины, принесшей и военный коммунизм с его кошмарным террором и, наконец, коллективизацию.

Представители современной старшинско-московской партии, — все эти Филимоновы и Богаевские, Скобцовы и Мельниковы, — не преминут, конечно, возразить нам „раскольникам-отпадчикам“, сепаратистам и самостийникам, что нечего де мол гадать о том, чего не было. Они, конечно, не заметят, что это только способ более наглядно представить и показать наше понимание исторического прошлого Казачества и его современного положения. Они не заметят этого, а может быть и не поймут, как не понимают и не замечают того, что всю свою современную политику и свою московскую идеологию они именно базируют на кофейной гуще. Открещиваясь от России красной, все свои надежды и упования они возлагают на новую, будущую Россию, т. е. строят на фундаменте гадательном, которого в действительности нет.

Скажи, говорит древняя поговорка, кто твои друзья, и я скажу, кто ты. Посмотрите, кто друзья у Богаевского и Мельникова, с кем они ведут свои деловые отношения и идеологическую связь, в чьих органах печати они находят гостеприимство для своих политических выступлений, в чью „казну“ и в чьи банки они приглашают казачество нести свои кровные гроши? В „Возрождении“, от которого даже „демократ“ — либерал Милюков отворачивается с омерзением; в банк князя Долгорукого, в „казну“ „блжостителя“ Николая Николаевича и „императора“ Кирилла, с воинским союзом Миллера.

Вот кто их друзья, вот кто они, вот какую Россию они считают „государственно-мыслящей“, любезной их сердцу. Россию Кутеповых, Врангелей Деникиных, Россию „императора“ Кирилла, т. е. Россию хоть как-нибудь сколоченную из обломков России Алексея Михайловича,

Петра I и Екатерины II, повергших в прах казачье народоправство и казачью независимость и уготовавших ему большевицкий военный коммунизм и коллективизацию.

Нельзя, однако, обольщаться казачеству и на счет России Милюковых и Керенских. Достаточно вспомнить „знаменитый“ приказ Керенского об отрешении от „занимаемой должности“ Донского Атамана Каледина, будто это был московский чиновник или губернатор, и требовавший его „выдачи“ в Москву на расправу. В противном случае демократическая Москва грозила поступить с Доном совершенно так же, как это делали и царь Петр I и Екатерина II: мобилизовать и послать на Дон Московский и Казанский военные округа, чтобы „казацки городки опустошить по Хопру сверху Пристанной по Бузулук..., по Айдару — все, по Деркуле — все, по Калитвам и по другим Задонным рекам — все“..., как приказывал царь Петр I князю Долгорукому. (Оказывается, князья Долгорукие — старые „друзья“ Казачества; не даром же Богаевский так усердно упрасивает казаков поддерживать Долгоруковские банки своими грошами).

Этот знаменательный исторический факт наглядно показывает, что и русская демократия иначе не мыслит своих отношений к Казачеству, как к „неотделимому слою русского народа“, что на территории Казачества она считает себя в праве распоряжаться в сущности так же, как и в Пензенской губернии, и в лучшем случае, как в бесправной колонии.

При таких условиях совершенно естественен вопрос: да не все ли равно для Казачества, под какую гребенку его будет стричь Россия, — под черно-желтую, царско-дворянскую, под красную ли большевицкую путем военного коммунизма или коллективизации, под белую ли Деникенско-Кутеповскую или под демократическую,

розовую?!. По нашему важно не то, под какую гребенку собираются стричь Казачество, а то, что его стригли и вновь собираются стричь. Поэтому мы и говорим Казачеству и неустанно будем повторять: чтобы тебя не стригли, строй свою государственную хату по тому же плану и на том же историческом фундаменте, на котором она стояла от Сары Азмана до Булавина.

Казачья народная мудрость в прошлом прекрасно и четко определила свое отношение к России: „Живи, казак, пока Москва не узнала!“ Та же народная мудрость в 1918 году устами депутата Донского Войскового Круга не менее решительно приговорила:

— Я коснуся одного, господа члены. Так как мы на той поприще стоим, штобы своєю не отдать, а чужово нам не надо, то надо до того добиться, чтобы эти флажки (указывает на карту) назад не передвигались, но и вдаль далеко не пушались... Россия?.. Конечно, держава была порядошная, а ныне произошла в низость. Ну, и пушай. У нас и своих делов не мало собственных. Прямо сказать, господа члены, кто пропитан казачеством, тот своєю не должен отдать дурно. А на счет России — поверменить. Пушай Круг идет к той намеченной цели, штобы спасти Родной Край, — пригребай, братцы, к своему берегу. Больше ничего не имею...*)

Сказано действительно коротко, но так много и так метко, как не удалось сказать ни одному из наших златоустов.

Мы ничего не изобретаем, не фантазируем и не мудствуем лукаво. Мы только добросовестно и внимательно прислушиваемся к духу нашего народа и повторяем во всеуслышание: пригребай, братцы, к своему берегу!

*) В. Добрынин — „Донская Летопись“ № 1, стр. 107.

Страницы казачьей истории.

„Ступени“ донской истории.

(Вместо справки).

В своем труде „Россия и Дон“ современный донской историк С. Г. Сватиков так определяет ту историческую „лестницу“, по которой, ступенька по ступеньке, Дон с высоты своей государственной независимости спускался до положения, в котором он оказался к началу революции 1917 года.

На странице 2 и 3 своего труда С. Г. Сватиков говорит:

— Главные периоды, на которые можно разбить политическую историю Дона, определяются как внутренними изменениями в строе колонии, так и изменениями в отношениях Дона к России. С 1549 по 1720-е годы Дон является государством и, одновременно, республикой. С 1720-х и до 1917 г. Дон является провинцией России. С 1917 по 1920 г. Дон снова становится государством, снова республикой.

В зависимости от изменения взаимоотношений колонии — метрополии, историю Дона можно разделить на следующие периоды: 1) период независимости и союзных отношений, случайно, на время войны с общим врагом, возникающих (1549-1614). Отношения эти

прерываются блокадой, объявленной со стороны Москвы Дону в 1600 году. В Смутное время граждане колонии принимают видное участие в делах метрополии. Борьба казачества и дворянства заканчивается победой дворянства, но не полной и не решительной.

Второй период вассалитета (1614-1671), когда колония сохраняет и развивает свое народоправство, но вступает добровольно в регулярные сношения с метрополией, оказывая ей военную помощь, получая за то постоянную субсидию („жалованье“). Международная правоспособность Дона подвергается некоторому, хотя и слабому, ограничению. Восстание Разина, знаменует собою попытку казачества изменить государственный и общественный порядок в метрополии.

Третий период (1671-1721) есть период государственной автономии, когда Дон, после присяги, которую вынуждены были донские казаки принести Алексею Михайловичу, входит в состав Российского государства, сохранив свое республиканское устройство. Столкновение царского самодержавия и донского народоправства (восстание Булавина) ведет, в конечном счете, к потере колонией ее государственного характера (1721 г.) и ее республиканского устройства (отмена выборов атаманов в 1723 г.).

Четвертый период областной автономии (1721-1725) очень интересен для истории права. Власть от Круга переходит к „собранию старшин“. Аристократическое правление старшин подавляется самодержавием атамана, превращающегося понемногу в какого-то „великого герцога донского“. Чрезвычайно оригинальное положение создается на Дону, когда первый назначенный царскою властью атаман Данила Ефремов (1738-1753) испрашивает соизволение передать атаманскую власть по наследству своему сыну Степану (1753-1772). Екатерина II побеждает самодержавного атамана, равно как и Пугачева, защитника казачьих вольностей, вождя последней схватки казачества с дворянством (1775).

Указом от 15 февраля 1775 г. учреждается Войсковое Гражданское Правительство, даются некоторые права (дворянские?) старшине и вводятся частичные имперское право. Автономия в некоторых областях существует до 1835 г.

Пятый период (1775-1797) длится 22 года и по капризу Павла I заканчивается восстановлением областной автономии. Но вскоре же назначение Войскового прокурора (не из донцов), реформы Войсковой Канцелярии, прикрепление донских крестьян (1796), признание части дворянских прав за казачьей старшиной (1797), организация Платовым „сословия“ донских „чиновников“ (1804), — все это вводит на Дону черты губернского управления и начала дворянского крепостнического строя. Прежнее вольное казачество хотя и остается лично свободным, но превращается в закабаленное государству служилое казачество.

Шестой период — переходный (1797-1835) — ознаменован волнениями крестьянства (1820), работами

чиновничьего комитета о выработке „подожения“ о Войске.

Седьмой период — это эпоха 1835-1917 гг., когда Дон является „областью, по особым учреждениям управляемой“. Этими „учреждениями“ являются „Положение об управлении Войска Донского“, изданное в 1835 г., с добавлением к нему. „Положение“ регламентировало все стороны жизни Войска и казачества, определило казачий пай в 30 десятин, превратило атамана в „военного губернатора“, позже — в генерал-губернатора, по его правам, и всю жизнь казака поставило в зависимость от усмотрения начальства. С 1848 года атаманы стали назначаться обязательно, не из донцов...

... Царствование Александра III принесло Дону... почти полное уничтожение станичного самоуправления (1891). Некогда вольные граждане республиканской колонии превратились в поселенное служилое войско типа аракчеевских поселений, хотя и смягченного. Вся власть, некогда выборная сверху до низу, заменена повсюду назначаемой; в станицах же — утверждением угодного начальству кандидата. Все особенности Войска в отношении военного управления и внутреннего распорядка воинских частей уничтожены. Все так называемые „привилегии“ Дона сведены на нет. Царствование Николая II оставило неприкосновенными порядки, установившиеся к 1894 году...

10 декабря 1917 г. Дон стал, несмотря на оговорки, самостоятельным государством...

... 3 мая 1918 г. Круг принял на себя „всю полноту верховной власти“, создавши, таким образом, и фактически, и юридически новое государство под именем: Всевеликое Войско Донское...

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

Часть военная (дисциплина).

Первое „обвинение“, предъявленное Черноморцам на новом месте их поселения, было — „отсутствие у них дисциплины“. Со стороны начальства регулярных частей, расположенных рядом с казаками, почти непрерывно поступали жалобы к войсковому начальству на казаков о несоблюдении и нарушении дисциплины. Действительно, в „Истории Кубанского Войска“ проф. Ф. А. Щербины целые страницы заполнены примерами такого „нарушения“. Читая их, выносишь впечатление, что первые Черноморцы на Кубани решительно не представляли собою какого-либо войска. Это был просто „сброд“ каких-то „бродяг“, „оборванцев“, не признающих никакой власти и никаких обязанностей. Совершенно дезорганизованная масса отличалась повальным уклонением от „службы“ и „порядка“, сплошное почти „дезертирство“ с кордонов, „небрежность“ в исполнении сторожевой и кордонной службы, „пьянство“ с подчиненными нижними чинами офицерства, „ссоры“, доходившие до открытых драк... Просто не верится, что это — те же люди, которые так недавно, вчера еще, удивляли мир своими доблестями, брали Березань, громили турок под Бендерами, штурмовали Измаил и которых так любил величайший полководец — Суворов. Ставилось в вину даже то, что занимающие офицерские должности казаки довольствовались с одного котла с „рядовыми казаками“ и обедали за одним столом. Что же удивительного в том, что такие порядки в конце концов повели к массовому „нарушению дисциплины“ во время так называемого „Персидского бунта“, когда возвратившиеся с похода казаки гонялись с дручьими по базару за своими старшинами, избивая их.

Что такие „эксцессы“ действительно иногда были, в этом нельзя сомневаться, производят же они такое жуткое впечатление на читателя потому, что отдельные случаи сгруппированы в одном месте и не упомянуты причины, породившие их. При внимательном чтении „Истории Кубанского Войска“, в ней найдутся и обстоятельства, во многом „смягчающие“ эти „обвинения“.

Прежде всего нужно помнить, что среди казаков не было офицеров в том смысле, как это было в „регулярной армии“; это были те же казаки, исполняющие разные офицерские должности, во время несения ими службы; вне службы они не пользовались никакими „привилегиями“ и „правами“, если не заслужили общего уважения по своим нравственным качествам. Казаки относились к ним, как к старшим товарищам и оказывали уважение тем, кто, по их мнению, действительно заслуживает этого.

Что касается сторожевой службы, о которой более подробно речь будет впереди, то по началу, пока отношения к соседним горцам не были у них плохими, к ней действительно относились легко, но с течением времени, когда отношения эти начали портиться и приобретать явно враждебный характер, то и этот „род службы“, уже из одного чувства самосохранения и сбережения своих хозяйств, был доведен, можно сказать, до идеала, как увидим ниже. Были конечно случаи „упущения“, но они были так редки, что упоминать о них, как об общем явлении не стоило бы, тем более, что в большинстве случаев они вызывались переутомлением, а не небрежностью — народа было очень недостаточно для охранения линии, растянувшейся более чем на 200 верст. Следствием этого малолюдства были тоже и случаи „дезертирства“ с кордонов. Дело в том, что казаки не только одевались и вооружались на свой счет, но станицы или по тогдашнему курени должны были и продовольствие доставлять сами на кордоны, на которых находились их наиболее трудоспособные члены семьи. Дома оставались только немощные старики, жены и дети, которые должны были кормиться из своего хозяйства, а поддерживать его было некому. К этому еще добавился скоро особый налог по доставке топлива русским частям, расположенным на территории Войска.

Лесов не было и единственный горючий материал был: бурьян-курай, да камыш, которые приходилось

собирает и подвозит своими средствами в места расположения частей, а единственные рабочие силы в семье были только жены. Что же удивительного, что отец такой семьи, потеряв терпение и болея сердцем и душой за близких, от которых и его собственная жизнь зависела, бросал иногда службу и самовольно уходил домой, где его помощь была так необходима. Если такое „дезертирство“ было обычным и частым явлением, то вина эта не может ложиться пятном на таких „дезертиров“.

Положение было настолько безвыходным, что само войсковое начальство просило об облегчении его выводом из пределов Войска, русских регулярных частей, несмотря на то, что этим еще более ослаблялась оборона линии от набегов горцев. Казачество жертвовало собой для облегчения положения своих семей.

Чем-то незаслуженно обидным звучало слово „оборванцы“, брошенное по адресу Черноморцев. Какое тут „франтовство“, когда приходится спасать от голода семью, а кругом лоскутка не найдешь, чтобы положить заплату! Торговля в Войске почти не существовала и мануфактура ценилась чуть ли не на вес золота. Домоткачество еще не было развито, да и времени для этого занятия не было.

„Занимающие офицерские должности едят с одного котла с казаками, обедают за одним с ними столом и пьют вместе“... указывает армейское начальство, как на беспорядок, роняющий дисциплину. Позвольте! Да, ведь это же Запорожцы, вчерашние сичевики, а разве в Сечи для старшин накрывался особый стол и пили они только шампанское? Ведь куренные атаманы, как и прочая старшина, жили в куренях, обедали за одним столом с казаками и одну и ту же чарку водки делили с ними. Это не мешало, однако, совершать такие подвиги, на которые не всякая „регулярная армия“ способна. Остров Березань, занятый турками, сильно укрепленный, очень мешал русской армии. Все попытки взять его были тщетны. Потемкин призывает Головатого и говорит:

— Березань очень мешает, необходимо его взять во что бы то ни стало. Сможете ли это сделать.

— Можно — ответил Головатый.

— Возьмете?

— Візьмемо.

— С Богом!

И Березань была взята. Половина отряда, если не больше, легла при штурме, но приказание было исполнено. Это ли не признак высокой дисциплины духа? Единство желания, единство воли и напряжение всех сил к достижению поставленной цели. А между тем, казаки и их старшины не только вместе ели, обедали и „пьянствовали“, но и спали рядом, не стесняясь „рангами“ занимаемых должностей. Дисциплина требует такого единства. Никакими принудительными, насильственными мерами его достичь нельзя. Все, что будет достигнуто этим последним способом, будет одна только внешняя форма, без всякого внутреннего содержания, ласкающая может быть, взгляд своего строения, но исчезающая при первом серьезном испытании. Это в лучшем случае, в худшем же превращается в ненависть, доходящую до изуверства, как это было недавно в русской армии...

Между тем нарушение именно вот этих внешних форм дисциплины и послужило главным основанием к „обвинению“ Черноморцев в отсутствии среди них „дисциплины“. Все дело заключалось в несходстве понятия дисциплины в русских частях и среди казаков. В то время, как в регулярных частях с понятием дисциплины тесно и неразрывно связывалось чинопочитание, у казаков эти два понятия расходились резко. Казаки понимали дисциплину только по отношению своих служебных обязанностей, а отношение к начальнику считали своим личным делом, совершенно не связанным с делом службы. Поэтому требование уважения и почтения к начальнику казалось им насилием их воли. Как мог казак публично выражать свое уважение к человеку, по нравственности которого он не считал этого заслуживающим? Но в то же время он считал большим преступлением не исполнять его распоряжения в делах, авторитетность в которых этого начальника признава-

лась всеми, в том числе и им самим. Отсюда и разница внеслужебных отношений казаков к своему начальству, вне службы, что считалось преступлением в русской армии. Если выделить одну из составных частей, входящих в понятие дисциплины в армейском уставе — чинопочитание, то никаким образом нельзя отрицать существование дисциплины среди Черноморцев и вообще среди казачьих частей. Без нее были бы немыслимы те подвиги, которыми озаменовали себя казаки. Самое главное основание ее: целесообразность и необходимость не только были в сознании казачества вообще, но они вообще, строго говоря, входили в плоть и кровь его; чувство товарищества и взаимной выручки — отличительная черта казаков и чем ближе стоит командный состав к подчиненным ему чинам, не считаясь с рангами, тем крепче была сплоченность части и тем ярче проявлялась дисциплина в нужную минуту. Сближение офицерского состава с подчиненными ему чинами замечается, обыкновенно, в боевой обстановке под влиянием общей, одинаковой опасности. Что же удивительного, если среди казачества оно имело более широкое распространение вследствие того, что оно связывалось не только боевой опасностью, но и общими интересами мирной жизни в куренях, а потом и в станицах, где зачастую простой рядовой казак приобретал большее значение среди станичников чем старшина, вследствие ли лучшего понимания станичной жизни, или просто вследствие лучшего своего материального положения.

Этого не хотело понять начальство регулярных частей и, рассматривая казаков, как составные части армии, предъявляло к ним требования армейского дисциплинарного устава, находя несоблюдение его „сблужившим“ для своих частей, при совместном расположении их с казачьими частями. Быть может, действительно, среди казаков „нежелательные“ явления были чаще, чем в армейских частях, но серьезных последствий для дела, конечно, они не могли иметь, если не считать буквальное исполнение всех фокусов устава серьезным требованием службы... Может быть также товариществом среди казаков различного ранга и обуславливалось такие из ряда выходящие подвиги, как Тиховских, Гречишкина, Дугина и им же нет числа. Не даром мне случилось слышать от старика Ван-ван Ларского, служившего некогда на Кавказе, что в его время считалось там более надежным взять десяток, другой казаков в окошко, чем роту солдат. То же подтверждал и старик Навроцкий, изъездивший по служебным делам почти весь северный Кавказ во время Кавказской войны.

„Нервировало“ „регулярное начальство“ собственно не нарушение дисциплины, которой они, смею думать, не понимали, как не совсем понимают и сейчас, по заявлению в печати генерала Сухомлинова, что, командуя дивизией, он редко посещал Оренбургский казачий полк, так как „не понимал той своеобразной дисциплины, которая существует у казаков“. Нервировало, собственно, неисполнение правил чинопочитания, в котором и видели они всю сущность дисциплины.

Сказать, что казаки вообще не почитали своих должностных старшин, было нельзя, ибо не только старшину, но и всякого старшего себя по возрасту казаки уважали и оказывали внешнее почтение в силу давно установившегося обычая. Внешних же форм для выражения почтения никаких не полагалось, просто здоровались, снимая головной убор. Такая же форма почтения удержалась и для старшины. Старшины, уверенные в том, что их служебные приказания всегда будут выполнены, не придавали значения выражению наружного почтения, считая это не служебным, но личным делом каждого.

Армейские же офицеры требовали отдания чести по своему уставу не только от рядовых казаков, но и от казачьих старшин, не считая их офицерами. На этой почве были постоянные столкновения, так как казаки считали солдат и их офицеров для себя людьми совершенно посторонними, не имеющими никакого отношения к ним.

Жалобы на „несоблюдение казаками правил чинопочитания“ были беспрерывны. Войсковое начальство не придавая особенного значения соблюдению этих

правил, ограничивалось, так называемым „отеческим внушением“ виновным, а „по начальству“ отписывалось тем, кто их старшина не имеет внешних отличий от рядовых казаков...

В ответ на это последовало распоряжение о строгом соблюдении правил чинопочитания среди казаков, как между собой, так и по отношению армейских офицеров, которым внушено не пропускать „безнаказанно“ нарушения этих правил, а казачьей старшине в отличие от рядовых предписано иметь на шашках офицерские темляки. После такого распоряжения, армейские офицеры, конечно, сделались особенно требовательны и постоянно привязывались к казакам за неотдание чести.

К требованию об отдавании чести казаки относились скорее иронически, чем серьезно. Стоит, например, часовой, мимо проходит знакомый ему старшина. Часовой пропускает его без внимания, а потом кричит вдогонку:

— Ей, слухай, Грицьку, чи чуй! Тот останавливается.

— А ну, повернись, чи в тебе там теліпається спереді? И, делая вид, что сейчас только заметил темляк на шашке, принимает карикатурный вид солдата и, утрируя приемы отдавания чести, сопровождает возгласами:

— Ось тобі, на тобі! Тепер ступай далі. Старшина на это улыбался, шутя плевал на его сторону и, махнув рукой, продолжал путь.

Правда это или нет, но через некоторое время приказано было снять темляки с шашек и пристегнуть их на левом плече, как погон, которых казаки в то время не носили, и с тех пор „теліпатся“ стало не спереди, а на левом плече.

Н. Нечуй-Левицкий.

Свой к своему!

Почти все государства земного шара сейчас переживают тяжелый экономический кризис, одинаково захвативший как индустрию, так и сельское хозяйство. Я не буду останавливаться на его причинах, так как это составляет специальную тему и выходит за пределы настоящего очерка. Хочу только сказать пару слов о тех задачах и обязанностях, которые ложатся на казачью эмиграцию в связи с жестокой безработицей, являющейся прямым следствием наступившего экономического застоя.

В первые годы нашего вынужденного пребывания за границей казак было легко найти себе работу. Казаки, сразу себя заявившие честными, смелыми и выносливыми тружениками, выгодно отличались от российской эмиграции, в подавляющем своем большинстве к физическому труду не приспособленной. Как в промышленности, так и в земледелии казак показал себя с хорошей стороны. Слово „казак“, еще недавно такое загадочное для „западного“ представления, в короткое время сделалось лучшей рекомендацией при поисках работы, давая хозяину гарантию добросовестности нанимающегося.

Однако, по мере того, как истерзанная, окровавленная Европа зализывала свои раны, медленно восстанавливая разрушенное войной хозяйство, начал замечаться избыток человеческих рук. Рационализация и механизация труда, бурно разросшаяся после войны, находились в обратно пропорциональном отношении к возможности использования живой человеческой силы. Работу стало труднее находить и условия ее изменились к худшему. Тяжелее было и казaku применить свою силу. Между нами появились безработные...

Очугиться на чужбине без работы, это значит — остаться без денег, без крова и без питания. Под открытым небом и с пустыми карманами в наш век не проживешь... Поддержки со стороны нам ждать нельзя: государства, по которым мы разбросаны, сами часто настолько парализованы углубляющейся безработицей, что им не до нас. Даже больше того — они сплошь и рядом вынуждены применять к нам меры ограничения права на труд. Своя рубашка всегда останется ближе

Вообще можно сказать, что это нововведение не пришлось по душе ни рядовым казакам, ни его старшине. Да и как могло быть иначе? Оно вносило разнь в ту среду, в которой единство и равенство были основным началом. Старшина в курене не имела никакого значения, она подчинялась распоряжениям куренного атамана, несмотря на то, какую должность занимал старшина на кордоне, хотя бы куренной атаман и числился там рядовым казаком. Здесь, в курене он был атаман, избранный народом, и, в свою очередь, подчинялся на кордоне тамошней старшине, если, сдав должность, явится на службу.

Даже позже, по введении чинов в казачестве и по сравнению их с армейскими, дело мало изменилось. Офицер жил в курене, а потом в станице, как простой казак, тоже работал по хозяйству, как и остальные обыватели, если он не имел достатка для найма рабочих.

В то же время зажиточный казак имел возможность в материальном отношении жить много лучше. На сборе присутствовали все, но председательство принадлежало куренному, а потом станичному атаману, офицеры пользовались правами голоса, как и все казаки, одинаково, без всяких привилегий... Единственное исключение для офицеров было то, что они не назначались на общественную службу в станице, так как офицер числился постоянно на службе и в любой момент мог быть призван к исполнению своих обязанностей, даже если он находился в отпуску; но и рядовые казаки, находясь в отпуску, не призывались на общественную службу. Такой порядок был впоследствии нарушен, о чем речь впереди.

к телу и, во избежание внутригосударственных социальных осложнений, против эмиграции издаются постановления не только не гуманные, но порою и жестокие. Каждый лишний рот иногда бывает в тягость... У нас лишними оказываются не столько наши рты, сколько руки. Возможность продавать свою мускульную силу из тягостной обязанности в былые времена, сейчас обратились в привилегию...

Но, мы тоже люди и есть нам надо, пока еще живы. Вот тут то и возникает наш прямой, я бы сказал — священный долг проявить максимальную выдержку, братскую солидарность и широкую взаимопомощь. Нельзя, чувствуя собственное благополучие, сидеть сложа руки и ожидать, пока неблагоприятная конъюнктура ударит по каждому из нас в отдельности. Казак должен переживать беду другого казака, как свою собственную. Времена подошли злые и рука помощи не должна опускаться ни на секунду, готовая схватить утопающего и притянуть его к берегу.

Господу благодарение, за годы эмиграции у нас появилось немало молодых квалифицированных сил во всех областях современной деятельности. Много их устроилось на службу. Вот к ним и обращен мой призыв. Каждый инженер, каждый техник, доктор, адвокат, чиновник или иной специальности казак, очутившись в благоприятных условиях, не должен забывать о своих братьях, подобным благополучием не пользующихся и вынужденных свой кусок хлеба зарабатывать не мозгами, а мозолями. Пусть казачья интеллигенция проявит предельную готовность идти навстречу рядовой казачьей массе. Я не говорю непременно о помощи деньгами или иными подачками. Казак милостивно принимать и побираться не привык! Нет, помочь можно отзывчивостью, предупредительностью, братской заботливостью о ближнем. В тяжелое время все мы должны сплотиться в единый, сильный кулак, способный сокрушить препятствия. Забудем на час свои дразни, памятуя, что все мы — дети одной матери-Казакки. Мы не смеем брать пример с российской беженской массы и расточать свои силы в бесплодной взаимной грызне. Мы не можем делиться на партии, ибо нас горсть. Нас

слишком мало, а недругов у нас слишком много, что-бы позволить себе риск враждовать еще между собою. Сольемся в единую, дружную, любящую семью. Нужно поднять дисциплину сознательности, нужно возвыситься над узкоэгоистическими интересами, быть готовыми на самопожертвование. Все за одного, один за всех! Слово „казак“ должно доминировать над всеми остальными понятиями, обозначающими достоинство человека. Пусть между нами не существует докторов, инженеров, студентов, офицеров, рядовых, интеллигентов и рабочих, пусть будут только казаки. Нужно в корне пресекать такие явления, когда выдвинувшийся над остальными человек перестает узнавать вчерашнего своего товарища.

Говорю это не для красного словца, а на основании печальных фактов, лично мною пережитых. Один станичник со слезами обиды на глазах рассказывал, как пришел проситься на работу к инженеру-казаку, а тот с ним и разговаривать по родному стыдился, чтобы не пасть в глазах местных рабочих. Такие явления не только недопустимы, они губительны для казачьего дела. Мы своими глазами видели, какая широкая пропасть образовалась между русской интеллигенцией и русским простонародьем. В эту пропасть потом были брошены сотни тысяч трупов этой самой интеллигенции... Неужели мы, казаки, будем повторять подобные гибельные уроки в собственной семье? У нас не может быть интеллигентов и простолюдинов, потому что у нас есть только казаки. У нас не может быть водораздела между классами нашего народа, потому что это единое компактное тело, разрубив которое, мы обрекаем смерти обе половины. Пусть рядовой казак не чувствует в казаке-интеллигенте что то чужое, недоступное, а смотрит на него, как на старшего брата, знание которого и ему на пользу. Пусть Казачество знает, что знания его интеллигенции принадлежат всему Казачеству. Каждый устроившийся на место казак пусть поможет устроиться и своему близнему, или, по крайней мере — пусть посоветует, как это сделать; пусть не делает из своего благополучия какой то монополии, а даст указания другим, с готовностью выйдет им навстречу. Пусть два казака, встретившись, разойдутся, как братья, а не как чужие, незнакомые прохожие.

Мне один знакомый инженер (фамилии его пока не буду называть) проговорился: — Предпочитаю иметь дело с местными рабочими... Свой казак почему то думает, что ему должны оказываться поправки... — Мне кажется, что такой взгляд весьма эгоистичен и недостойн казака. Не взять своего человека на работу, когда к этому есть возможность, только потому, чтобы не уронить среди рабочих свой престиж — некорошо и нечестно. Чувство общности Родины и крови должно превалировать над всеми остальными. Казак, не стыдись протянуть руку помощи своему брату казаку. Этим ты только выполнишь свой долг перед Родиной. Родина не будет за тебя краснеть!

Но и меньшие братья, горбом хлеб свой насущный добывающие, не должны ставить своих протекторов в неудобное положение. Пусть каждый помнит, что этот самый инженер, или иной квалификации добрый человек находится не у себя дома, а на чужбине, в гостях... Пусть своим поведением не заставит его испытывать стыд перед иностранцами за казачье имя. Пусть помнит, что часто такой добряк-протектор, оказывая благодеяние, рискует своим местом. Пусть не злоупотребляет своей приближенностью к протектору, или его к себе расположением. Максимум самодисциплины!

Даже политическое инакомыслие не должно вбивать клин в здоровое казачье тело. Цемент крови должен быть сильнее раздробленности частей, сплавляя их в единый организм. Тело тоже состоит из разных органов, но только их тесное взаимодействие дает жизнь организму. Преступно — отвернуться от своего брата только потому, что он иных взглядов. Человек имеет свободную волю и никто не может запретить ему внутреннее самоопределиться. Мир был бы очень скучным, если бы все имели одинаковые взгляды, суждения и стремления. Из столкновения разных мнений рождается истина! Наше миропонимание в конце концов не более, как абстракция от живой действительности, искусственная надстройка над человеческой природой, которая у нас всегда останется казачьей. Голос крови сильнее абстрактных построений нашего ума... Многообразие не исключает единства. Этим единством является Казак, наша цель и надежда... Она нам велит: свой к своему! Она нас зовет: казачество, сомнись!

А. А. Гейман.

Поправка к статье „Восстание казаков в Майкопском отд. в 1918 году“.

(№№ 61—62 и 63—64 „В. К.“).

Как я и ожидал, тот час же по появлении в свет моей статьи о восстании казаков в 1918 г. в Майкопском отделе против большевиков, я стал получать письма, в которых некоторые из моих участников вносили кое какие поправки и дополнения к этому описанию. Многие из них маловажны и не изменяют ни хода событий, ни правды в деяниях тех или иных участников; однако, есть и весьма важные. Ниже спешу исправить одну из моих погрешностей путем печати же.

Я писал, что в августе 18 г. ко мне прибыли из станицы К. 50 конных казаков во главе с есаулом Кротовым и ему приписал всю честь сформирования и со-

единения со мною этих ничем неустрашимых людей. В действительности же ес. Кротов только пристал к этому отряду, а все это отчаянное смелое и трудное дело в самом сердце большевических гарнизонов выполнил лихой хорунжий ст. К-ной Константин Попов.

Почти тот час же по прибытии этого отряда, когда я уже маневрировал для обладания городом Майкопом, хорунжий Попов с двумя казаками был послан в станицу Апшеронскую, занятую еще большевиками, но на которую наступал из станицы Ханской есаул Березлев, для связи с ним.

Я очень опасался за хорунжего Попова, т. к. в

... „По прутскому миру (1711 г., ред.) русский царь уступил туркам все земли бывшего Запорожья по реку Орель и обязался срыть свои крепости в Самаре, Кодак и Каменном-Затоне. Таким образом, этот мир, несчастный для России, принес счастье запорожским казакам: после него запорожцы*) вновь сделались de jure обладателями того, что потеряли после разрушения Чортотмыцкой Сичи и поражения при Полтаве, т. е. всех своих земель от Нового-Кодака до крепости св. Анны“.

Д. И. Эварницкий. История Запорожских казаков. Т. I, С-Петербург, 1892 г.

*) Запорожцы в то время были под турецким протекторатом. Ред.

случае если Апшеронская еще не занята Березлевым, то участь Попова и его двух казаков могла быть очень печальна. Так почти оно и случилось, но хорунжий Попов, с честью вышел из критического положения. Попов прибыл в станицу Апш., когда Березлев под давлением превосходных сил, а главное под угрозой с тыла отряда большевиков, шедшего из Туапсе, уже отступал на ст. Кубанскую. Это, однако, его не остановило. В ст. Ап. войска красных уже не было, но местные большевики уже опять подняли головы. Попов въехал в станицу, оставил казаков с лошадьми на площади и вошел один в станичное правление и потребовал к себе атамана. Атамана не оказалось, а вместо него явился дежурный, без пояса, в каких-то червиках, без погон и в фуражке.

Попов приказал тот час же надеть сапоги, погоны и папаху, и вышел опять на крыльцо правления. Осмотревшаяся уже толпа в это время окружила оставшихся на площади двух казаков и отобрала у них лошадей. Попов сильно накричал на них — зачем отдали лошадей, казаки отобрали опять у растерявшихся мужиков лошадей, все трое сели опять на глазах у всех и поехали шагом из станицы. Только когда они отъехали саженей на сто от толпы, она опомнилась и по казакам стали стрелять. Выехав из станицы и опасаясь сильной погони, Попов свернул с шоссе по лесной дороге на ст. Ширванскую и во-время, т. к. погона действительно была, но проскакала на город Майкоп.

Станица Ширванская между тем оставалась без моего гарнизона, под угрозой слухов об обратном взятии

большевиками ст. Апшеронской и наступлением красных из станицы Нефтяной, уже эвакуировала жителей и приготавлилась к обороне своими силами, заняв все броды по реке Пшихе, т. к. я все свои силы бросил на Майкоп и помочь не мог. Прибывший ко мне хорунжий Попов ясно осведомил меня об обстановке и я тот час же послал его опять со взводом в 15 коней наблюдать путь на Майкоп с тыла.

Попов, собрав еще казаков из станиц, не только выполнил свою задачу блестяще, но соединился с Березлевым; всю орду, движущуюся по шоссе из Туапсе на Майкоп сбил и направил на ст. Кубанскую и Белореченскую, где она наткнулась на дивизию Покровского и наш гвардейский дивизион. Они, сильно пощипав ее, прогнали далее на Дондуковскую и далее на реку Лабу.

По прибытии отряда Попова ко мне на хутор Шевырев, я сменил его как командира конного отряда просто из принципа старшинства и назначил командиром есаула Кротова, который прибыл вместе с этими конными казаками хорунжего Попова, и он сам, будучи хорошо воспитанным воински, ничего против того не имел.

В видах восстановления истины и в воздаяние заслуг хорунжего Попова, с удовольствием спешу внести эту поправку в печатн.

Живых участников и свидетелей всего этого и в Сербии есть еще много, например С. С. Падолка, казак Умеренко и многие другие.

Думы и мысли.

Олександр Півень (М. Забігайло).
(Югославія).

Гей у мене був коняка.

(Нова пісня на стародавній напів).

Гей у мене був коняка,
Гостра шашка й зброя всяка,
Добра хата, жінка й діти,
Край веселий, хліб і квіти.

Гей коняки збувсь войною,
Розгубив там усю зброю,
Бросив край свій і родину,
Та й утік я на чужину.

Десять років тут блукаю,
Через що, і сам не знаю...
Ой чи довго ж отак буде?
Чи я буду жити, як люде?

Гей Поляки з Литвинами,
Фіни, Ести з Латишами
Мають хліб свій, мають хати
І живуть, як рідні брати.

Вони край свій більш любили,
Землю-й волю боронили,
Тим вони на все й багаті
І живуть у рідній хаті.

Я ж за те отак бідую,
Що стояв за „Русь святую“,
Рятував її я дуже,
Про Кубань — було байдуже.

Як зробив Москаль побуну
Та направив скрізь коммуну,
Так козацтво й Україна
Того дива не злюбила.

Гей, було-б же нам єднаться,
Брат за брата всім держаться,
На гриниці кріпко стати,
Щоб коммуну не пускати.

Та, бач, лихо нас спіткало:
В старшини ума не стало,
Що послушали кадетів —
Золотих чужих полетів...

Гей Литвини і Поляки
Мають степ і землі всякі,
А ми й степу відцурались,
На чужині заблукалися.

Коммунисти ж з мужиками
Заплінили Край з степами,
Все добро наше забрали,
А родину розігнали...

18-VIII-1930 г.

*****

И. С. Константинов (уралец).
(Д. Восток).

Казак и Урал.

В думе крепкой над Уралом
Склонясь казак на берегу,
В своем горюшке не малом
Поведать хочет он ему:

Ты один, Урал, остался
С нами горести делить,
Точно Богу ты поклялся,
Чтоб водой своей поить.

Прежде пили твои воды,
Как целительный бальзам,
Так, что радость и невзгоды
Все делили пополам.

Вдур залезли в темя гады
И смугили весь Урал, —
Заразили твои воды
Коммунисты и кагал.

И смугилось родно Войско,
Оренбург наш разорен,
А пролито крови сколько! —
Голод, плач со всех сторон.

И замкнул уста от боли,
Ус сердито опустил,
Жить не может он в неволе...
Так сидел казак, грустил.

И главой потрянул Уралу,
Крикнул зычно он: вперед!
Нет! Не быть тому кагалу!
Оренбург наш оживет.

Я уж вижу твои волны
Муть проходит и свежит,
Скоро нас Урал, как прежде,
Водой чистой напоит.
И напьемся мы водицы,
Чтоб очистить нам станицы,
И конец всему положим —
Оккупантов уничтожим.
Уральцам братьям-соседям
Мы поможем в их беде
И врагов ловить поедом
По Уралу по реке.
Нас одна река вспоила,
Степь широкая вскормила,
Вольный дух нас воспитал,
Кровью братского спаял.
Зацветут, как прежде степи,
Заживем семьей одной,
Будем мы и наши дети
Прославлять Урал родной !!!

*****

От „опричника“ до самостийника.

Уже в течении многих лет зарубежная русская пресса занимается разрешением будущей судьбы казачества и особенно громко поднимает голос против самоопределения и вольности последнего, стараясь доказать, по ее мнению, „абсурдность“ яко-бы недавно появившейся идеи Казачьей Вольности. Нужно признаться, что многим вопросам она отдает должное внимание, останавливаясь на них довольно подробно. Но так-же нужно отметить, что по многим вопросам она отделяется короткими фразами, явно не желая проникнуть в них поглубже, чем, как будто, отмечает маловажность этих вопросов, а по некоторым не считает нужным обмолвиться хотя-бы одним словом. Между тем, эти „некоторые“ вопросы должны бы лежать в основе всего рассуждения по казачьим вопросам. Не верится, чтобы люди, державники в прошлом, вершители когда-то судеб России, которые, конечно, видели все события в их „естественном“ виде, теперь, как-будто, забыли все или, второе и последнее предположение, нарочно закрывают глаза на прошлое.

Неужели „бывшие люди“ убеждены в истине, когда говорят, что идея Вольного Казачества есть выдумка эмигрантов? А что могут ответить эти люди, если сказать, что эта идея, вернее мечта о Вольности Казачьей, жила вместе с казаками, с ними она рождалась и с ними умирала? Живет она и по настоящий день и увеличилась во много раз под ударами красных палачей там, на Родине и здесь за рубежом, где эта Вольность является единственным противодействием гнетущей судьбе, зачастую неправде и полному бесправью.

Вопрос о времени зарождения идеи Вольного Казачества, которую можно отождествить с Вольностью его, „осторожно“ обходится упомянутой прессой короткими словами. Коренной же вопрос, — самостийник ли казак или нет, и совсем не затрагивается. А нужно-бы было, взявшись за рассуждение по казачьим вопросам, прежде всего, разрешить этот последний.

Если посмотреть поглубже в эти два вопроса, то ясно станет, что второй является следствием первого. Приняв такую истину, можно считать, что упорное молчание прессы и упомянутых мыслителей есть нечто естественное, ибо логические выводы отсюда говорят не в их пользу, вернее им не нравятся. В самом деле, может ли стать казак самостийником, т. е. открыто го-

ворить о своей мечте быть вольным, как в старину его деды, не имея в душе своей этой дедовской идеи? Непонятным становится, если припомнить, когда наши инструктора-учителя еще за много лет до революции воспитывали нас в духе этой идеи. Не верится, чтобы эти учителя предугадывали, что вот мол с 1917 года должна появиться идея Вольного Казачества, а поэтому нужно готовить людей для ее воспринимания. Добавляя к уставу внутренней службы, что мы не только „слуги царю“, как этого требовал устав, а и славные казаки, потомки вольных людей, они учили нас гордиться этим именем и свято хранить его в своей душе. И вот эти люди, которые так старательно хранили святую идею Вольности, в 1905 году получают название опричников за то, что избавили русский народ от анархии, от развала. В „благодарность“ за все это казаки получили, кроме упомянутого эпитета, не мало неприятностей, не мало чернильниц в головы из окон, а иногда и более мерзкие поступки находили здесь место. Различно рассуждали тогда о казаках, а истинной причины подобного действия никто и не высказывал.

Наконец, наступает 1917 год, когда казаки, имея в памяти своей свежие события 1905 г. и не желая усугублять к себе отрицательное отношение братского русского народа, остались пассивными в деле „углубления революции“, став на страже своих интересов, Казачьей Вольности. Свершившийся факт, которого никто не посмеет отрицать, что те же самые казаки, те же лица, из „опричников“ сразу превращаются в самостийников. Спрашивается, что-же за чудо? Как будто на первый взгляд совсем и непонятное явление, а в сущности совсем простое.

В дни революции 1917 года, когда казак увидел, что непоколебимый столб самодержавия упал и рассыпался так, что от него ничего не осталось, сразу почувствовал свободу проявления своей воли, которую открыто стал проявлять в своих Родных Краях.

Непонятным становится, если предположить, что казак в течение нескольких месяцев пережил полную метаморфозу только под влиянием „революционных событий“, наущников и бесчисленных „ораторов“. Еще более непонятным становится, если вспомнить, что эти „ораторы“ в большинстве своем были как-раз противоположные тому, каким потом сделался казак. Все ораторы уговаривали стать на защиту „интересов революции“, — русской и... мировой! И, повторяю, результаты известны. Казак не остался „опричником“, ибо он им никогда не был, не поддался словам красноречивых ораторов, зовущих укреплять красную революцию, ибо она ему была чужда, не казачья, а остался казак самостийником, защитником идеи Вольности, которая в действительности вышла из души казачьей, давно жаждущей выхода столь родной, близкой и понятной всем — и малым и старым. Даже и теперь мы видим там, в Родных Краях, как силою оружия, а уже не уговариванием, красные хозяева принуждают казака отказаться от святой для него идеи, от всего казачьего, и тем не менее население дает сильный отпор, связанный зачастую с риском за собственную жизнь...

Казак идет по пути прогресса, побуждаемый исключительно проявлениями души, той идеей Казачьей Вольности, которая живет и увеличивается и, нужно думать, не умрет. Казак не опричник, не толками красных или других цветов „доброжелателей народа“ наполнена душа его, а только идеей самостийности, за которой шли все казаки, идут теперь и будут идти в будущем...

И. Е-ков.

София, 6. VI. 1930 г.

„Через 20 лет донской казак в родном своем краю будет тем же, что сегодня (1844 г.) представляет из себя москвит: стойкое и радостное довольство вольных поколений исчезнет и мы увидим казака согбенным под игом всех этих притеснительных учреждений, которые составляют удел русского раба“.

Мнение английского дипломата в связи с пребыванием на Дону положения 1835 г.

(Сватиков — „Россия и Дон“, стр. 325).

Д. Ветров.

Староста Апуримакского прихода.

Молитва Апуримакских казаков.

Господи-Боже, не оставь нас, помилуй!..
 Год, как страдаем, за что нас покинул?..
 Сохрани нас Боже, прости нас прегрешения,
 Молим на коленях мы — все без исключения.

Смилуйся над нами, о, Великий Боже!
 Ведь молодым казакам жить хочется тоже...
 Избавь нас от Королевичей...
 Этих душегубов, казачьих палачей.

Ты сам видишь, Боже, все наши страдания,
 Грабят нас нещадно, гибнут все старания,
 Продают нас варвары, в розницу и оптом,
 Как скотину нас гоняют по Монтани гуртом.

Милостивый Боже наш, долготерпеливый...
 Разгони же Ты, наконец, „генштаб“ строевой
 Злое детище России-исчадие ада (Здесь крестное
 знамение),
 От которого давно бы нас избавить надо.

Раньше, как-то, незаметно нас брали за горло,
 Спекулировали нами... пожалев притворно...
 Большею частью, все чужие нас колесовали,
 А теперь взгляни нас Боже, свои душисть стали...

Нет, ни совести, ни чести, все пораспродали...
 Все Казачеством торгуют, в грязь нас затоптали,
 Истрепали силы наши, уж не стало мочи,
 Кормить лодырей „генштаба“, трудясь дни и ночи.

Сохрани нас от напасти „Союза генералов“...
 Сокруши их супостатов, „культурных“ канибалов...
 Укажи нам путь к спасению из этого ада...
 Если нет? Сам уничтожь нас, раз так уж надо...

О! прости нам Боже правый, но выслушай нас Ты,
 Внемли воплям исстрадавшейся Твоей верной
 паствы, —

Мы здесь так же, как в Египте, ждем нашего моря,
 Апуримак станет нашим — Содом — Гоморой...

Не отврати лице Твое от нас, Донкубанцев...
 Освободи нас от рук Арабо-Испанцев,
 Накажи Ты лиходедов, нас продавших силой.
 Аминь. (Три земных поклона).

Казаки в иностранной литературе.

1. Уральские казаки в Праге.

... Послышались звуки военного оркестра. Сперва на Карловом мосту над толпой показался лес пик, а затем и сами казаки. Это входила в Прагу колонна Уральцев, не молодых, бородастых, с длинными волосами, в шапках, в синих кафтанах, с пиками, ружьями и кривыми саблями на боку. Уральцы ехали на не больших, видно очень выносливых лошадях с густыми гривами и очень длинными, почти до земли, хвостами.

— Смотрите, как казаки благодарят за приветствия, улыбаются, кивают... Приветствуем вас, славяне!

Кругом огромные толпы народа кричали, приветствовали, махали платками, шляпами; у многих пражан были слезы на глазах...

— Вы видели начальника казаков (Teldatamana) полковника Бородину? Такой образованный, знает языки и такой простой, ест вместе с казаками, всем с ними делится, не чета нашим офицерам, да и стоящим тут драгунам Шевченко и Гудовича, говорили в толпе некоторые.

Между тем, казаки уже прибыли на „Староместское наместье“ и спешились, отдав лошадей коноводам. Из ближайшего ресторана к ним сейчас подошел хозяин с большими корзинами с естных припасов и стал их угощать; в тоже время его жена передавала бородастым уральцам большие кружки, наполненные пенящимся пивом. Казаки, не торопясь, пили, ели и передавали дальше задним. В окружающей их толпе удивлялись: „Посмотрите, кто из казаков насытился, не толпится, а подает другим пищу. Вот это настоящие люди! Смотрите, вынули деньги, — хотят расплачиваться!“ Когда же ресторатор от предлагаемых денег отказывался и руками и ногами, казаки начали благодарить его, прикладывая руку к шапке и к сердцу. Затем Уральцы образовали большой круг, в середину его вошли два молодых казака — запевалы и полилась казачья песня. Хор быстро подхватил и могучая, полная невыразимой тоски песня о далеких, столь милых сердцу казака, уральских степях и просторах, широко разносилась вокруг... Остановилось все уличное движение; огромная толпа народу застыла на месте, затаив дыхание, пораженная, очарованная никогда не слышанной казачьей песней, боясь пошевелиться. Как только песня замерла, все захопало в ладоши и так громко крикнули „Vivat, kozáci“, что аж стекла в окнах зазвенели.

Потом уральцы начали небольшими группами разезжаться по квартирам. Пражане на перебой звали к себе казаков, предлагая и „помещение и угощение“. Один не молодой казак, отстав от своих, запутался в переулках „Старого наместия“ и остановился в нерешительности.

Сайчас же собралась толпа зевак и запрудила всю улицу, так что уральцы на лошади не мог ни вперед ни назад двинуться. Все с большим любопытством смотрели на его „страшную“ пику, кривую саблю, а в особенности на невиданное у его коня тавро в виде двух между собою перекрещивающихся кинжалов. Так продолжалось минут пять и публика не расходилась, а все прибывала. Видя такое дело, станичник ловко соскочил с лошади, взял ее под уздцы и сказал: „Propustitě gospodá!“ Веда лошадь за собой, он прошел в образовавшуюся перед ним уличку, а затем „гоп!“ был уже на коне и исчез из глаз ошеломленного народа.

В толпе пошли разговоры: „Какой деликатный казак! Другой на его месте обругал бы столпившихся людей и поехал бы конем прямо в толпу... Дай Бог вернуться ему на Урал невредимым“.

На отведенных казакам квартирах можно было наблюдать далеко „не военные сцены“.

Казаки как то удивительно умело и быстро успели сдружиться с квартирохозяевами. Даже незнание чешского языка им в этом нисколько не препятствовало.

Сами по себе казаки как весьма хозяйственные люди, привыкшие с малых лет трудиться, не любили сидеть сложа руки. Напивши и накормивши своих коней, сейчас же начали помогать хозяевам: то принесли воды, то наколют дров, то уберут сор. Два же станичника, как видно хорошие плотники, за какойнибудь час поправили валившийся забор и калитку, к великой радости пораженного хозяина.

Большинство уральцев были пожилые, заслуженные, по всей вероятности, имевшие у себя в своих степях „семейства“, так как они „лынули“ к детям, забавляли их, смешили, вырезали весьма искусно из дерева для них „коников“, а некоторые станичники даже пробавали возить на себе „ребят“.

К пище были очень не прихотливы, ели сырые(?) помидоры, огурцы. Прежде чем сесть за стол, мыли руки и крестились, после же еды вновь крестились и сердечно благодарили хозяев, говоря „spasibo“. Почти никто из них не захотел спать в комнатах, на кроватях; они предпочли быть при лошадях и спали или во дворе на сырой земле, положив вместо подушки свое седло под голову, почти у самых ног своих любимых коней...

На утро был назначен отъезд уральцев из „золотой Праги“.

„Садись!“ раздалась звучная команда и целый полк казаков, как один человек, „взлетели“ на коней. На лошадях сидели неподвижно, точно статуи, даже лес пик, который торчал над ними, был неподвижен... Издали между домами, по направлению „Poříčské brany“

Уральцы в Праге сто
пятнадцать лет то-
му назад.

были слышны звуки военного оркестра. — Смирно! — Показался начальник казаков (Feldataman), полковник Бородин, любимец пражан, в сопровождении двух офицеров. Он был одет в полную парадную форму с лентой через плечо и с кривой шашкой на боку, усыпанной алмазами и рубинами, якобы отнятой им лично у французского маршала Нея. На прекрасном вороном коне он подлетел к строю, резко осадил коня и поздоровался громко, точно отец с сыновьями: „Здорово молодцы-атаманы“. Раздалось дружное в ответ: „Здравия желаем, Ваше Высокоблагородие“. Послышался ряд команд, которые исполняли уральцы так, как будто бы их был не полк, а один казак. — Пики на руку, рысью марш! —

Огромные толпы пражан смотрели с большим восхищением как мимо них проходил, ровняясь на рысях, целый полк бородатых, серьезных воинов с наклоненными пиками, на своих небольших, удивительных, разномастных, бодрых конях. (У находящихся в Праге драгун Шевченко и Гудовича целые эскадроны имели лошадей одной и той же масти, но, конечно, качества лошадей от этого не улучшались). Пражане говорили между собой: „Кто может устоять против „страшных“ казачьих пик; ведь они ею, как вертелом, по шести французов на раз нанизывают! Говорят, что раньше и „пруссакам“ не давали спуска, своим теперешним союзникам“.

Выехав со Старого наместья, казаки поехали шагом и первые ряды начали петь. Мощные их голоса, как бурный поток, разливались вдоль улиц по направлению Карлова моста.

Когда же в'ехали на каменный мост, то весь полк пел полным голосом. Это было очаровательное, не забываемое зрелище. Все казаки пели с увлечением, а их мощная песнь летела через воду до города и к Petřín'у и к Kralovskému hradu.

Ряд за рядом, сотня за сотней исчезали поющие уральцы под сводами Малоостранской башни, но все казалось, что ими полон весь мост. Когда же проезжали уже последние ряды казачьего войска (шли походом из Праги против французов), толпы пражан как бы вышли из волшебного оцепенения (так им нравилась

казачья песня!) и закричали все разом с необычайным энтузиазмом так, что далеко эхо разнеслось: Zprovod vás pán Bůh, Slovani!

2. Казаки у Иозефова (в 1799 г.).

По мере приближения к Иозефовскому лагерю, где были расположены уральские и донские казаки (а также отряды русских войск), все сильней и сильней доносились звуки прекрасного хорового пения; повидимому хор был составлен исключительно из мужских голосов. По временам ржали лошади, раздавался громкий смех, звучал „бубен“, какие то команды, стучали кузницы, скрипели телеги.

Путники остановились, залюбовавшись видом военного лагеря. Два всадника, рысью ехали прямо на них. Наездники (на не высоких, незавидных конях с большими пушистыми гривами и длинными хвостами, почти до земли) были с ружьями за плечами, с длинными пиками, на боку у них висела кривая сабля; были одеты они в какие то синие кафтаны, подпоясаны кушаком, в шапках обшитых кожей, на ногах имели широкие ноговицы, оба загорелые, бородатые и с такими усами, что невольно внушали к себе страх. Судя по их форме, это были уральские казаки. В этот момент к всадникам под'ехал третий наездник, как видно офицер, и им скомандовал „стой!“ Оба казака сразу остановились, как в землю вкопанные... Офицер что то сказал уральцам, и они, быстро повернув своих лошадей, понесли во весь опор так, что только развивались по ветру длинные хвосты их лошадей. Казаки сразу скрылись за ближайшим холмом, лишь только их длинные пики были видны, но скоро и они исчезли.

Путники присели отдохнуть и подкрепиться „чем Бог послал“... Увлеченные едою они не заметили, как кто то подошел и остановился возле них. Оглянувшись назад они оторопели: рядом с ними стоял воин, небольшого роста, плечистый, не молодой, весь заросший волосами и сильно загорелый. На голове имел какую то необыкновенную шапку с крестом и, судя по форме, был „козацкий сержант“. На поясе, сбоку у него висела кривая сабля, на груди блестели крест и медали. Ка-

зак поклонился, что то сказал, улыбаясь, и у него из под больших черных усов забелели прекрасные белые зубы.

Путники (они были из с. Добруского и пришли посмотреть на войско, в особенности на казаков, о которых так много везде говорили) ласково ответили на приветствие и жестами предложили „сержанту“ присесть с ними. Он присел „на корточки“ по-восточному, и принялся что то рассказывать, помогая себе жестами, но быстро умолк, увидевши у путников спящего, 7-8 лет, мальчика. При этом все лицо казака изменилось, стало как то мягче, задушевнее... Бородатый „сержант“ вздохнул, и начал спрашивать, больше жестами, „чей это сын?“ Затем он начал объяснять, что дома, на Урале, он имеет такого же сына-однолетку, Ильюшу, показывал руками какой его сын большой и все время говорил про себя: „Ах, золотой мой, Ильюша, чернобровый! Когда я тебя опять увижу!“.

Мальчик зашевелился и поднял голову... Казак сразу умолк, досадуя на себя, что слишком громко говорил и разбудил мальчугана...

Все смотрели с участием на грустного казака, и чтобы отвлечь его мысли, указали ему на его „заслуги“. Лицо казака прояснилось и он начал рассказывать, жестекуллируя, о своем участии в штурме большой турецкой крепости Очакова. Чтобы „сержант“ понял ему сказали медленно: — Там был Суворов. — У урядника загорелись глаза, он как то выпрямился, поправил шапку и сказал, с гордостью указывая на крест: „Сам Суворов дал“.

Видя, что мальчик проснулся и встал на ноги, казак подзывал его к себе, хотел погладить, но так как мальчуган боялся и прятался за спину своего отца, то он со вздохом сел.

В лагере заиграли сигналы, громкий голос что то приказывал. „Очаковец“ быстро схватился, поспешно пожал всем руку, указывая, что должен идти туда, в лагерь. Мальчику он последнему подал руку и, на секунду задержавшись, проворно вытащил из-за пояса мешочек с деньгами, сунул растерявшемуся мальчугану серебряный рубль и исчез за холмом.

Раздался сильный двукратный свист и в табуне неподалеку пасшихся, на свободе, лошадей, повернулся маленький гнедой конь, радостно заржал, и, распустив хвост по ветру, помчался на встречу спешащему к нему хозяину — „козацкому сержанту“. Прежде чем кто успел опомниться, казак был уже на коне, присоединился к своим, и скоро вся сотня (уже все с пиками) стройно выступила из лагеря.

„Добруscopy“ удивлялись, хвалили казачью „сноровку“, умение обходиться с лошадьми, добросердечность, приветливость и сказали, весьма довольному подарком невиданных денег, мальчику: „Хорошенько спрячь деньги и помни этого доброго казака, настоящего героя-славянина...“

Кругом лагеря сидели, спали, курили, ели, пили, ходили и временами пели и в одиночку и хором удивительные песни, незнакомой мелодии, но хватающей прямо за сердце.

В одном месте три казака вместе с офицером закусывали; затем офицер вытащил большую „манерку“, как видно с водкой, выпил сам, передал своему соседу выпить, тот другому и, таким образом, „манерка“ обошла кругом три раза. Такая простота в отношениях между казаками и офицерами была удивительна и очень нравилась чехам.

Рядом с лагерями Уральских казаков стояли русские драгуны Гудовича, где обращение и нравы были иные. Утром офицеры били палкой по лицу и по чем попало драгун за то лишь, что у некоторых „косица“ на 1/2 сантиметра была короче, чем у иных. Видели

также наши путешественники и ужасное незабываемое зрелище, как прогоняли сквозь строй несчастного окровавленного драгуна и как офицер собственноручно, в белых перчатках, бил по лицу драгун, жалевших своего „камада“ и поэтому слабо ударявших его.

„Добруscopy“ тронулись и хотели пойти посмотреть на русских grenадер в больших меховых шапках, как вдруг мальчик начал смеяться и бить в ладоши: Неподалеку от них паслось без пут, без привязи около сотни казачьих лошадей с длинными хвостами, пушистыми гривами; они ходили свободно почти по всему лагерю, осторожно, минуя лежащих или сидящих „станичников“. Один белый конь, как видно арабской породы, даже бережно переступил через спящего казака, совершенно его не потревожив, чем вызвал смех и восторг у окружающих...

Кругом только и слышалось: „Какие хорошие люди казаки, такие добрые, да деликатные... Но в бою как черти...“

Шли наши путешественники немного дальше и остановились возле казаков, собравшихся в кружок. В середине этого круга молодой черноокий казак, с двумя медалями на груди, сопровождаемый пением импровизированного хора, лихо, с жаром отплясывал дикого, неподражаемого казачка, аж земля дрожала...

От реки, по направлению к лагерю, показалось около сотни казаков на неоседланных лошадях, непривлекательного вида, разных мастей; они летели, как вихрь, только видно было, как вздымались гривы их коней. Вдруг один казак стал во весь рост на спину лошади, за ним другой, третий и скоро вся сотня, точно как по команде, ехала стоя. Спустя мгновение казаки бежали рядом со своими конями и „гоп!“ — были уже на лошадях; иные стояли лицом к хвосту, другие висели под брюхом у лошадей. У молодого казака свалилась папах; сзади скакавший и висевший на боку лошади старый урядник, сейчас же не останавливаясь, на скаку, поднял ее с травы и подал сконфузившемуся станичнику.

Внезапно вся сотня остановилась, с коней буквально попадали все всадники, лошади затем легли на землю, казаки возле них и через минуту дикая скачка опять продолжалась...

Окружающие, среди них были венгерские, австрийские и чешские офицеры, смотрели, как зачарованные, прямо с ужасом, не веря своим собственным глазам... „Это какое то колдовство, говорили офицеры. Вот это войско! Ну, теперь не удивительно, что французы так удирают от казаков.“

Ни о чем другом не говорилось кругом как только о казаках, их добродушии, ловкости, бесстрашии, веселости.

Возле лагеря уральских казаков стояли продавцы с корзинами, лотками, полными овощей и фруктов. Казаки, проезжая мимо торговцев, брали пикой, (!) не слезая с коней, дыни, яблоки, щедро за все серебром расплачиваясь. У одной старушки проезжавший взвод станичников пиками забрал всю ее „торговлю“ (т. е. все ее дыни). Ехавший последним казак бросил в ее корзину несколько серебряных рублей. Пораженная казачьей щедростью (все дыни не стоили и одного рубля), а еще более казачьей ловкостью, женщина окаменела и не могла сказать слова. Видевший издала эту сцену казачий офицер, подехал и спрашивал, что случилось. Но бабка ничего не отвечала. Тогда офицер, решивши, что его „хлопцы“ озорничали, чтобы не легко пятно на все Войско, вынул из своего кошелька золотой и бросил его в корзинку, еще более оторопелой „бабки“... (А. Jirásek, Věk, Praha, 1925 r.).

Составил по Jirásku и др. О. Батулин.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Казачье колонизационное дело.

1

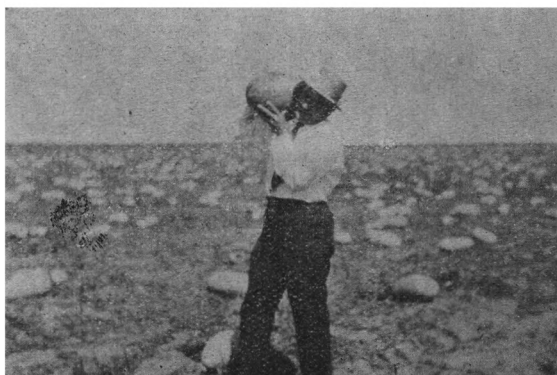
4

2

5

3

7

Г. П. Шуляков. Труды № 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100. Из Тексаса: 1 Питомник оранжевых деревьев в долине Rio Grande. Направо инж. Керни. 2. Инж. Терещенко на кукурузном поле. 3. Агроном Шуляков на бахче. В Мексике: 4. Инж. Терещенко на берегу Мексиканского залива. 5. На рыбной ловле. 6 и 7. В поле.

6

Казачья эмиграция.

Читателям и сотрудникам, поздравившим редакцию „В. К.“ со Всеказачьим Праздником, — сердечное спасибо.

Общеказачья вечеринка „в день войсковых праздников“ в Праге.

18 октября по инициативе правлений Общеказачьего С.-Х. Союза, Общеказачьей Станицы студентов и окончивших, Общеказачьей Станицы в Ч.-С. Р. и Административной (?) Комиссии Русских Земледельцев (?) в летнем помещении клуба Риегровых садов состоялась казачья вечеринка, посвященная дню „войсковых праздников“.

Председательствовал старейший из присутствовавших казаков В. А. Харламов. Открытие вечеринки было назначено на 7 ч. вечера, но публика собиралась вяло, и к 8 ч. явилось всего человек около 30—35 (потом это число увеличилось). Это не могло, конечно, не действовать соответствующим образом на настроение устроителей. Поэтому, очевидно, свою вступительную речь В. А. Харламов сказал в грустных тонах. Он отметил, что день 18 октября по установившейся традиции есть день войсковых праздников Дона и Кубани. Необходимо поэтому, чтобы все мы с любовью называем казачеством. Наши братья на родине живут сейчас под таким гнетом, что не смеют даже и думать о том, чтобы устроить у себя казачий праздник. Мы свободны здесь, мы можем свободно выявлять свое казачье единство, а между тем в этот день нас так мало. Этого не должно быть тем более, что, как недавно говорил здесь, в Праге, невозвращенец Дмитриевский, в России создается такое впечатление, будто казачьего вопроса там не существует, что казачество будто окончательно слилось со всем остальным населением. Необходимо поэтому нам здесь показывать

время от времени, что казачество не умерло, что оно живет и будет жить и что то, о чем говорят гг. Дмитриевские, — неправда. Сознание своей принадлежности к казачеству не должно умирать в нас, несмотря ни на какие наши политические разногласия и разномыслие, и традиция общеказачьего праздника должна привиться, ее нужно всячески поддерживать.

В качестве, так сказать, официального представителя от кубанцев, от устроителей вечеринки, выступил Ф. Т. Аспидов, напомнивший, как в свое время этот праздник проводился на родине, и нарисовавший тяжелую картину жизни казачества под большевицкой властью.

После декламации молодого казака Фролова стихотворения Константина Полякова „За свободу“, слово предоставлено было Ф. К. Воропину, который заявил, что его вынуждает выступить главным образом то, что он услышал здесь об утверждениях Дмитриевского. По его мнению, которое он вынес на основании своего шестилетнего пребывания на Кубани при большевиках, утверждение Дмитриевского совершенно не соответствует действительности, что это — неправда. Наоборот, казачество еще более, чем в 1918—19 гг., единодушно и без всяких исключений ненавидит большевиков и рассматривает их, как завоевателей. В подтверждение своей мысли он рассказал случай, когда на молебен по случаю восстановления памятника на братской могиле, полуразрушенного и изуродованного комсомольцами, явилась буквально чуть не вся его станица Невинномысская. Соглашаясь и целиком присоединяясь к мысли В. А. Харламова и устроителей вечеринки по вопросу о необходимости ежегодного устройства общеказачьего праздника, он говорит, однако, что на сегодняшнюю вечеринку он пришел с болью в сердце. Что такое день 18 октября, чем он отмечен в современной или прошлой жизни казачества, что может сказать этот день казаку? Какова его историческая давность, чтобы он стал традиционным днем? День 18 октября — день тезоименитства б. царского наследника Алексея и установлен царем, как день „атамана“ всех казачьих Войск; это был праздник наказных атаманов, разных Граббе, Фон Таубе и проч. Наш народ никогда не праздновал его и не мог и не должен был праздновать, ибо это есть напоминание того позорного положения казачества, в которое поставили его цари и которое навлекло на нас „славу“ 1905 г. Такой день не может быть днем общеказачьего праздника. Таким днем может быть только тот день, к которому мы можем приурочить и в который мы можем вспоминать самое лучшее, самое дорогое и важное, что было в жизни казачества в лучшие, действительно славные времена его существования. А этим лучшим и дорогим для нас всех было наше народоправство и воля и их выразители — Войсковой Круг и Войсковая Рада. Цари убили и волю и народоправство, убили Круг, убили Раду и... дали нам Фон Таубе и Граббе. Но как только пала царская власть, наш народ сейчас же восстановил Круг — Раду, как начало всех начал, как альфу и омегу бытия казачества. Вспоминание такого явления и события в жизни казачества безусловно может и должно объединять всех казаков. Безусловно правильно поступили терцы, установив днем своего войскового праздника день возрождения Терского Войскового Круга. Нам остается только поучиться у нашего младшего брата и последовать его примеру. Поэтому Ф. К. Воропину предлагает всем казачьим общественным и политическим организациям принять все меры к тому, чтобы договориться, в какой день и какое событие из жизни казачества следует положить в основу общеказачьего праздника.

Выступавшие затем Б. Н. Уланов, гг. Гребенников и Фролов поддержали мысль Воропина о дне праздника, но главное свое внимание направили в другую сторону.

Их, особенно последних двух, интересует главным образом поведение не их Войскового Атамана г. Богаевского. Очевидно, дело с Атаманом у донцов обстоит действительно далеко неблагоприятно. Г. Фролов сообщает, например, такой действительно возмутительный факт, со слов очевидцев, будто г. Богаевский, „Вой-

сковой Атаман, глава Донской Республики явился на торжество возложения венка на могилу неизвестного солдата с русским флагом и им прикрыв флаги казаки, хотя места и для русского флага было достаточно*.

В. А. Харламов несколько раз призывал ораторов избегать острых выражений, однако молодежь, особенно донская, все же горячилась и настойчиво доказывала, что „казачество должно идти только под казачьи знамена и по казачьим путям, и что казаки конституция, которым мы присягали, должны свято исполняться не только нами, но в особенности нашими Атаманами“. (Гребенников).

После речей молодежь затянула песни.

Казачьи кулисы.

Самая старая и самая сильная казачья организация за границей это „Казачий Союз“ в Париже.

Эта организация насчитывает до 170 станиц и хуторов, разбросанных повсюду на чужбине и хотя сии станицы и хутора существуют больше на бумаге, но это нисколько не мешает правлению „К. С.“ кричать о мощи оног „учреждения“.

„Казачий Союз“ стремится собрать воедино все зарубежное казачество и громко заявляет, что его цель искоренить из казачьих умов политику и придать своему лицу исключительно семейную окраску.

Забота о казачестве — весьма похвальное явление в наши ненастные дни и еще более отраднo, если забота не выходит из рамок семейных.

Дабы доказать на деле, что „К. С.“ есть учреждение аполитичное, его руководители открыли в двух наиболее людных местах скопления казаков харчевни, а в одном большом городе открыли даже продуктовую лавочку, посадив туда одного из членов правления и хотя лавочка, говорят, доходов никаких „К. С.“ не приносит, то это, может быть, по некоторым соображениям и не входило в планы казачьих парижских главарей.

Но если приподнять занавеску фирмы „Казачий Союз“, то оттуда с дразнящим запахом щей, сейчас же пойдет глетворный душок узко-партийной политики, усердно насаждаемой казаком милюковско-керенского толка А. П. Марковым, ныне генеральным секретарем „Казачьего Союза“.

Весьма рискованно уличать А. П. Маркова в принадлежности только к РДО и к „Дням“. Сей донской казак — „вскую шаташася“ — обладает исключительной изворотливостью приспосабливаться мзды ради и для него ничего не стоит перепрыгнуть через „незасыпанный ров“, воспегый г-жей Кусковой, от РДО и „Дней“ к группировке правого уклона „Младороссов“. Таковые прыжки, повидимому, по сердцу А. П. Маркову, он ими упивается и нужды нет, что, занимая пост генерального секретаря „К. С.“, с казаками путаться у него нет времени, казаки от него так же далеки как „Дни“ от казаков.

У „К. С.“ есть окружение, правда, малочисленное, состоящее из элементов к фабричному труду не причастных, но хорошо наспигованных А. П. Марковым; этому окружению и воздается должная дань и оно постепенно отдаляет казаков от „Казачьего Союза“. Служение П. Н. Милюкову, А. Ф. Керенскому и казачеству совместить трудно, а посему и А. П. Марков преклонился перед первым и махнул рукой на казачество...

В начале текущего года „Казачий Союз“ снова напомнил казакам о себе, как опять таки об организации аполитичной, а именно: правление „К. С.“ открыло „Русский Банк“ (Credit Mutuel du Commerce et des Metiers), на предмет привлечения казачьих денежных сбережений и их сохранности, а также на предмет взаимопомощи казакам в случае, напр., приобретения ими недвижимого имущества.

В уставе банка сказано: „Банк учрежден на основах Обществ Взаимного Кредита, с акционерным капиталом, размер коего определен Учредительным Собранием в 2 миллиона франков. Акционерный капитал разделен на акции по 250 франков каждая. Владение двумя акциями дает право голоса в общих собраниях акционеров. При покупке акций допускается рассрочка“.

О полезности такового Общества Взаимного Кре-

дита говорить было бы излишним, хотя не мешает паметьтовать, что маленькие предприятия на чужбине весьма рискованны и долгим житием сих коммерческих предприятий российского разлива утешаться никогда не следует.

Для успеха мирного дела учредители „Казачьего“ банка попробовали самовосхвалить себя в глазах казаков на страницах своего журнала „Родимый Край“, но это самовосхваление едва-ли уместно, если мы остановимся на главном столпе банка, его директоре-распорядителе С. В. Маракуеве. В самовосхвалении говорилось о „честности и неподкупности“ лиц, возглавляющих Казачий банк, но судить об этом не наше дело, а вот судить о совести того или другого лица нам не возбраняется.

До открытия Credit Mutuel du Commerce et des Metiers его директор С. В. Маракуев проживал в Праге и как житель Урюпинской станицы, Донской области, исповедывал православную веру, но перебравшись в Париж и став во главе банка, он отрекся от православия и принял, как нам передают из достоверных источников, католичество*). Мотивы, побудившие совершить такое действие С. В. Маракуева, человека старого и почтенного, нам неизвестны, но исходили-ли они от чистого сердца и затемненного разума, или сребролюбия ради он продал свое святое святым, он уже унизились в глазах казака-простолоудина и казака-интеллигента до ничтожества.

В изгнании у нас только и осталось неоскверненной и пылкой, вызывающей восхищение у иностранцев, наша святая православная вера и святой крест; в них, только в них и ищем мы опоры нашего страждущего бытия и кто отрекается от веры православной, тому не место в рядах, чающих воскресения Родины.

Такова закулисная жизнь одной из самых сильных казачьих организаций.

Д. Воротынский.

Калмык-джигит.

Донской калмык, джигит группы полк. Яценкова — Ульчинов Дамба, с большим успехом гастролитрует с прошлого года по различным городам Франции, Африки и Германии. Отец Ульчинова заведывал 1000 табуном калм. Дон. коннозаводч. Шавелькина и Дамба с 5—6 летнего возраста — хороший ездок, а в 10 лет уже

Дамба Ульчинов, калмык-джигит группы полк. Яценкова.

*) От ред. Это утверждение и след. отсюда выводы оставляем на ответственности автора.

объезживал степных неукон, в 15 лет умел хорошо владеть арканом.

В войну с большевиками Ульчинов был одним из самых молодых добровольцев в Зюнгарском полку; был ранен и отличался храбростью. Был случай, когда в одной атаке Ульчинов, вместо того, чтобы зарубить красноармейца, схватил его за шиворот и стащил с коня.

С. Б.

Напрасная и преждевременная смерть.

18 июля с. г. в гор. Журжу (Румыния) скончался Иван Павлович Воскобойников, казак ст. Семикаракорской. Покойный работал на сахарном заводе „Danubiana“ в качестве электротехника. Имея в сей день починку идущего по столбам кабеля (в 500 вольт), Воскобойников, прежде чем начать работу, должен был выключить ток, что он и считал сделанным, повернув, куда следует, ручку выключателя. Но по грубому недосмотру инженера завода, выключатель был испорчен — ручка повернуться повернулась, но выключить ток не вы-

ключила. И вот когда Воскобойников влез на столб и прикоснулся провода, то в ту же секунду казака и не стало.

Мир праху твоему, дорогой станичник!

В. Е.

Письмо в редакцию.

Милостивый Государь,
Господин Редактор!

В № 65 редактируемого Вами журнала, соб. кор., описывая возжение лампы на могиле неизвестного солдата, допустил ошибку. В статье говорится: „Кубанская ст. во главе с Г. И. Галушко, Е. М. Якименко и др.“ Я был на этом торжестве, но во главе станицы не шел, т. к. станица шла во главе со своим Атаманом, т. е. Г. И. Галушко, и членами правления, я же членом правления не состою и во главе станицы, естественно, идти не мог, а шел в строю с другими казаками.

Примите уверение моего искреннего уважения

Еф. Якименко.

6 октября 1930 г. Париж.

Казаки Крагуевацкого казачьего хутора вместе с джигитами есаула Сиволобова после джигитовки в г. Крагуеваце.

В К а з а к и и.

Е. Булавин. (Канада).

О станице и кургане.

Я лучшие годы провел на чужбине,
Лишь изредка в отпуск домой заезжал,
Но мне не забыть живописной картины
С которой случайно приезд сочетал.

Безлюдно в станице, все взрослые в поле,
Лишь с внуками бабки иль дед домосед,
Гурьбою мальчишки — своя теперь воля —
В садах и на речке... Не страшен им дед.

По улицам пыль, толщиной в пол-аршина,
А вдоль по над тыном-высокий бурьян;
По пыльной дороге — стадами скотина;
Столб в облаке пыли как будто бы пьян.

Загата, крапива, ромашки кустами;
„Дурман“ красовался созревшим „ежем“,
Триножник колючий, там выюнчик хвостами
Навеки обнялся со старым плетнем.

А там весь плетень уж давно бы упал,
Но колья в деревья теперь превратились,
Хозяин лил воду, когда забивал,
И изгородь в кольях совсем оживилась.

На крышу сараев кубышки явились,
Рядами на солнце лежат, созревая;
Сады от обилия плодов наклонились,
Как бы благодарность земле посылая.

Обилье, довольство заметно в станице;
К соленью, моченью готовят посуду,
Концерты домашней, повзросшей птицы;
И множатся хлебные скирды повсюду.

Артерией пыльной по всем направлениям
Волы за волами — обозы возов:
Убрать за погоды, предел напряженья,
Горячее время по возке снопов.

Гусей караваны — давно оперились —
Колосья к дороге идут собирать;
А если „лягашка“ на них устремилась, —
Поднимутся с криком, в станицу летят.

От пыли в бездожде седеют курганы, —
Как-бы часовые бессменно стоят:
За солнцем, за ветром, за злым ураганом,
За всем наблюдают, но тайну... хранят.

Кто тайны откроет казачьих курганов?..

Где дух Булавина?.. где мощь Ермака?..

Хоть редко, но время рождает великанов
С рукой богатырской, с чутьем казака.

А тайны то „сказок“ для всех поколений
Курганы расскажут немногим из нас, —
Лишь тем, кто за волю идет без сомнений...
Кто Стенькино ухо имеет и глаз.

Что делают большевики?

Большевицкий „шум“ в Казачьих Землях не только не унимается, но, напротив, растет и все время полон „воинственности“. Ростовские и Краснодарские газеты пестрят „боевыми“ лозунгами. И надо признаться, что делать газетную шумиху большевики уже опытные мастера. В Ростовском „Молоте“, напр., читаем (в номере от 30 сент. по 8 окт. с. г.):

„Перед новыми боевыми задачами“ (в конце второго года пятилетки!). И рядом: „Константиновский район проваливает сев. На 25 сентября план сева по краю выполнен лишь на 16 проц. Большевицкими ударными темпами работы восполним прорывы в севе и зяблевой вспашке. Организуем мощную волну прилива в колхозы. В ходе сева нет еще большевицких темпов“.

„Колхозы и единоличники Шахтинского района встречают „день ударника“ массовым вывозом хлеба сверх плана“. А под этим некоторые признания: „Адыгейя не удержала темпов“. Или: под заголовком „Борьба с кулаком на словах“ узнаем, что „Кулацкие и зажиточные хозяйства Кашарского района своих твердых заданий упорно не выполняют“... А рядом — „Все рычаги в действии!“ ибо „В ряде станиц сбор налогов происходит слабо... Перелома нет...“

„Колхозные партийки должны стать боевыми штабами борьбы за сплошную коллективизацию. Игнать право-оппортунистические надежды на самотек, не допускать „левых“ загибов, по-большевицки возглавить массовое движение бедняков и середняков в колхозы“.

„Топливный прорыв штурмовать и с тыла. Борьба за сохранение каждого килограмма топлива — борьба за полную оплату рационализаторского счета“. „Сулинзавод — растратчик топлива“. „Приостановить варварское использование топлива“.

„Поход за кожсырьем еще не развернут. Кожа есть! вырвать ее из лап чистяка!“

„На лесном участке — неблагополучно!.. Бьем тревогу! Не срывать лесозаготовку! Обеспечить вывоз леса. Туапсинский леспрохоз движется улиткой. Подводы есть, а грузить их некому“...

„Сводки есть, а картошки нет!“

И все же из следующего номера того же „Молота“ узнаем, что „Пятилетка побеждает“. Это на первой странице, а на последней все то же: „Выше темпы хлебозаготовок! Сильнее удары по кулаку и оппортунисту!“

А на следующий день: „В Ставропольском районе подменяют массовую работу голым администрированием... Ставропольский райком должен немедленно исправить свою ошибку“. Дальше читаем, что в этом самом Ставропольском районе „сентябрьские пятидневки давали друг за другом систематическое снижение хлебосдачи единоличниками и к октябрю район приходит под знаком прорыва на хлебозаготовках“.

„В борьбе за выполнение планов сева и зяблевой пахоты преодолеть сопротивление кулачества и его право-оппортунистической агентуры“.

„Минималистские настроения руководителей proletарского района, снизивших цифры озимых посевов, — худший вид правого оппортунизма“.

„Зяблевую вспашку перевести на ударные темпы. Недоценка зяби — удар по успешному проведению второго колхозного весеннего сева“.

Там же узнаем, что рабочие слабо идут в партию. „Важнейшая директива VI-й крайконференции — не выполнена: работа местных организаций по вербовке в

партию рабочих крайне не удовлетворительна“. В районе Ростова „широкого вовлечения лучших ударников в ряды партии фабрично-заводские организации не произвели“...

Плохо и с консервами: „Миллионы банок консервов недополучает страна. Консервная промышленность края систематически не выполняет своих промфинпланов“...

Но впереди всего — сев. „Форсировать сев — боевая задача каждого района края (читаем в „Молоте“ от 4 октября). По-большевицки развернуть зяблевую пахоту на полях колхозов и единоличников — позорная медлительность южных районов никакими причинами не может быть оправдываема“.

„Единоличный сектор — наиболее отстающий участок хлебного фронта. Немедленно добиться решающего перелома в заготовках среди единоличников. На боевую ногу поставить работу комсодов и групп бедноты. Красными хлебными обозами в октябре вдвое превзойти темпы последней сентябрьской пятидневки“. „Налечь на хлебозаготовки в единоличном секторе“.

Неблагополучно и на шахтах. „Вновь сорвались шахты, успех первого октябрьского дня не закреплен. Скачок вниз: „Артем“ позорно сорвался“.

Еще хуже с водным транспортом. „Пробка есть, расшейте пробку! Ростовский порт — позорное пятно Азовского бассейна“.

В общем плане хлебных перевозок, как внутрипортовых, так и рейдовых, междупортовых, по Азовскому Морбассейну значительное место отведено Ростовскому порту.

Но уже первые серьезные потоки хлеба показали, насколько плохо подготовились портовые организации к приему этих потоков. Если в августе положение „спасало“ хроническое непредъявление хлебогрузов, то как только это предъявление перевалило за 150 вагонов, в сентябре над портом нависла серьезнейшая угроза затажной пробки. Обратившись к цифрам, мы обнаружили, что, например, на 6 сентября остаток неразгруженных вагонов составил 79, на 11 сентября было недогружено 81 вагон“.

И все же в центре забот оккупантов стоит вопрос о выкачке у нашего населения хлеба: „Непрерывным потоком красных обозов обеспечим победу в борьбе за хлеб. Проверить фонды и выполнение хлебных заданий колхозами. Нажимая на кулацко-зажиточные элементы по выполнению ими твердых заданий, мобилизовать активность колхозников для общественного воздействия на отстающих единоличников“.

„Ударными темпами проведем двухнедельник осеннего сева“.

Из „оперативной сводки промышленности“ в „Молоте“ от 7 окт. „Большинство шахт не выполнило программы“, „Итого по „Стали“ еще не ударные“. „Сентябрьские темпы не закреплены“. „Пролетарий“ сдает темпы“. „Славянский и Кореновский районы не сумели организовать массы на борьбу за победу второго колхозного сева. Они оказались в хвосте отстающих районов края“... „Утроить темпы сева“ — вопит „М.“ 9 октября. „Цементный прорыв разрастается. — Приковать внимание к Новороссийским Цемязаводам“.

„Сигналы тревоги из Таганрога, — по цехам гуляет разгильдяйство“.

„Самотек — худший враг большевицкого проведения путин... Цифры сводок — одна тревожнее другой“. „Ударить по вредителям рыбной путин“. — С этим и мы согласны, — только бы ударить по тем действительным, настоящим вредителям — московским оккупантам!

Коммунисты оегут из колхозов.

При Севкавкомвузе есть курсы руководителей колхозов. Два месяца курсанты были на практике в деревне — работали в колхозах. Сейчас практика закончилась, но до сего времени не все курсанты с'ехали, многих из них местные организации задержали на работе и они усиленно работают над выполнением важнейших заданий партии.

Но в семье не без урода. Некоторые практиканты, побывшие в деревне, испугались работы и стали подавать заявления об исключении их с курсов колхозников. При чем некоторые даже прикрываются „благими“ намерениями.

— В промышленности прорыв, там нужны силы, а я квалифицированный рабочий — отпустите на завод, — заявляет один.

— Я по колхозной отрасли не смогу работать, пошлите на учебу по другой специальности, — говорит другой.

Коммунист Плаксин подал такое заявление:

— В виду того, что в деревне нужны люди, имеющие крепкую силу и волю, а на курсах я не получу нужных знаний и считаю себя неспособным руководить деревней, поэтому не затрачивайте на меня денег и исключите с курсов. („Молот“, 7 октября).

Как выжимают хлеб у казака.

В „Молоте“ от 8 окт. читаем:

До сих пор многие районы края не выполнили директивы партии об изъятии хлеба по твердым заданиям у кулацко-закиточной части села.

По данным Севкавказского союза на 1 октября по 58 районам кулаки сдали 8.927 тонн хлеба вместо 29 тысяч тонн. Сопротивляется хлебозаготовкам и закиточный элемент, обязанный сдавать хлеб по твердым заданиям. По 21 району закиточные должны вывести на ссыпки 45.700 тонн, поступило же от них только 25.490 тонн.

Есть районы, где кулацко-закиточные элементы уклоняются от сдачи хлеба по твердым заданиям. Например, в Тихорецком районе кулаки вывезли хлеб лишь в размере 11 процент. задания, в Брюховецком — 13 пр., в Армавирском — 15, в Кропоткинском — 15, в Баталпашинском — 12 пр., в Краснодарском — 23 пр., в Павловском — 28 пр., в Тарасовском — 4 пр., в Отраденском — 6 пр. (из задания в 1232 тонны). Закиточные Кореновского района сдали только 1020 тонн из 2625, в Краснодарском 18100 тонн из 26213, в Ейском — 418 тонн из 1861, в Тихорецком — 13 проц. (задание 1786 тонн).

Таким образом, по неполным сведениям кулацко-закиточные хозяйства задерживают до 40 тысяч тонн хлеба.

В ряде районов вредительство кулацких элементов, выражающееся в отказе сдать хлеб, остается почти безнаказанным. Административные меры воздействия применяются сабо. В ст. Полтавской, Славянского района, не было продажи описанного имущества. В ст. Успенской, Армавирского района, составили акты на закиточные хозяйства, злостно не сдающие хлеба, но дальше актов дело не пошло. В Изобильно-Тищенском районе до последнего времени не были даже выявлены кулацкие хозяйства. В Матвеево-Курганском районе слабо привлекают к ответственности злостных неплательщиков хлеба. В Отраденском районе райисполком установил твердое задание для кулаков в 7121 центнер, а сельсоветы разверстали лишь 2204 центн. под тем предлогом, что нет кулацких хозяйств. Ту же правооппортунистическую песенку поет и райкоопсоюз:

— Кулака нет.

Наряду с недостаточным нажимом на кулака и прямым попустительством ему имеются случаи „левых“, антисередняцких перегибов. Напр., в Отраденском районе твердые задания дали середнякам хозяйствам. Сельсовет сообщил об этом в райисполком, но там не обратили никакого внимания и подшили бумажку к делу.

Дальнейшая проволочка с взысканием хлеба по твердым заданиям не терпима. Мы требуем от районов дать прямой ответ, почему не выполнена ими директива партии.

Борясь с антисередняцкими перегибами, необходимо со всей большевической решительностью вытравить правооппортунистическое попустительское кулаку, немедленно заставить кулаков и закиточных вывезти по заданиям хлеб на госсыпки. На местах имеется для этого достаточно средств административного и общественного воздействия.

Упадок табачной промышленности на Кубани.

Как хозяйничают большевики с табаком, читаем в „М.“ от 8 октября:

„Приравнять кампанию по уборке и заготовке табаков по своему значению к хлебозаготовительной кампании“ — говорит директива Крайкома ВКП (б). Возглавлять кампанию по уборке табаков призван Крайтабак плодоовощсоюз. Как же он руководит уборкой? В системе работы крайплодоовощтабаксоюза вопросами руководства и помощи табаководческим хозяйствам занимают чрезвычайно мало, — вот первый и основной вывод.

Районные коопсоюзы, приняв табачные операции, не уделяют работе по табаководству никакого внимания. Эта работа находится на десятом месте в общей работе коопсоюзов.

Такое положение — в Крымской, Горяче-Ключевской. В работе районов б. Майкопского округа коопсоюзы просто отмахиваются от руководства уборкой и заготовкой табака. А такой крупный табаководческий район, как Геленджикский, обслуживался до 20 сентября одним техником-инструктором.

Единоличники очень мало знают о досрочной заготовке табака, ценах на табак и других мероприятиях. Особенно плохо в отсталых национальных районах.

Но и колхозы не могут похвастаться большим вниманием со стороны табаксоюза.

Только отсутствием всякой работы среди колхозников и может быть объяснено катастрофическое положение с рабочей силой. Колхозники массами не выходят на уборку. В редких районах процесс выходов вместе с наемными рабочими достигает 50 процентов, а в большинстве 30—35 проц. (Горяче-Ключевский и друг.).

К уборке табаков места подготовлены плохо. Организация труда не налажена. Сдельщина применяется нерешительно. Указания о более решительном ее применении местам даны только 21 сентября. Оплата труда задерживается. Планы уборки и заготовки часто не составлены (Крымский район). Урожайности не установлена. Строительством сушилок идет черепашими темпами. Заготовленный, срубленный лес лежит невывезенным. Сушек нет в Греческом районе. В Крымском районе из 15 намеченных, построено только — 8. В ст. Великой на 102 га — одна сушка.

Имеющиеся помещения загружены разными материалами, продуктами (Апшеронская, Ярославская, Тверская) и не подготовлены к уборке табака. Понятно, что в результате такой подготовки, уборка идет чрезвычайно вяло. Нормально к 25 сентября должно быть убрано не менее 60 проц., в действительности убрано вдвое меньше, а есть места, где убрано всего 20 проц. (Горяче-Ключевский район). В отдельных колхозах до конца сентября табак оставался почти весь неубранным (колх. „Кр. Знамя“, Греч. район, „III Интернационал“ — Абинский район).

Досрочная заготовка выполнена всего на-половину, а между тем, срок ее уже истек.

Есть много случаев неправильной оценки приемщиками сорта табака. Однако, все эти факты табачному сектору неизвестны.

Табачный сектор не знает настоящего положения вещей. Связи с местами он не имеет. Из 20 табаководческих районов и 58 заготовит. пунктов — сведения он имеет только по двум районам. На вопрос, почему табачный сектор мало занимается вопросами уборки и заготовки табака — руководитель его Аллеопуло, цинично ответил:

— Некогда! Все люди на помидоры мобилизованы. К этому прибавить нечего.

В Сочином районе ход уборки табака идет чрезвычайно медленно. В с. Волновке выполнен план на 50 процентов. Аллеровский и Сочиный колхозы преступно отстают: в среднем план выполнен на 25 проц. Районным организациям необходимо срочно организовать все силы для ликвидации прорыва. К 15 октября план должен быть выполнен на сто проц.

В ст. Ахтырской, Абинского района, колхоз „Большевик“ засеял 350 га табака. Убрано только 25 проц. Остальные 75 проц. находятся под угрозой гибели.

В СССР.

Отзывы иностранцев.

Когда будет война?

Сотрудник „Таймс“, посетивший сов. Россию, напечатал свой третий и последний очерк, посвященный вопросу о прочности советского режима:

„Несмотря на широкое недовольство, пишет он, власть относительно прочна, ибо в стране нет организованной оппозиции. Всякая попытка борьбы встречает энергичный отпор со стороны ГПУ. Зимой будут, вероятно, беспорядки, но они едва ли приведут к падению советской власти. При тщательной политической обработке красной армии, мало вероятно, чтобы она выступила против Кремля. Возможно, однако, появление популярного военного вождя типа авантюриста Блюхера, который сбросит Сталина.

Но если революция мало вероятна, то вполне возможны серьезные перемены внутри самой правящей партии. Правая оппозиция, несмотря на ее разгром на последнем партийном съезде, живет и развивается. Зимой, в связи с неизбежным обострением внутренних трудностей, влияние правых несомненно усилится. Даже в Кремле начинают отдавать себе отчет в необходимости смягчения курса.

Многое будет зависеть от внешних событий. Борьба с советским дэмпингом безусловно помешает проведению пятилетнего плана, ибо без форсированного экспорта сов. правительству не откуда достать средства. Возможно, что лихорадочная индустриализация отчасти объясняется опасением войны. В настоящий момент большевики не хотят войны: они еще не готовы. Но что будет через 4-5 лет — трудно сказать. Усиленное развитие военной промышленности и милитаризация молодежи наводит на серьезные размышления. В некоторых коммунистических кругах полагают, что война вспыхнет в 1935 г., к каковому времени сов. Россия будет достаточно сильна.

Предположение, что война неминуемо приведет к восстанию, по мнению автора очерков, вряд ли основательно. Он приводит слова, сказанные ему одним непримиримым врагом сов. режима: „я ненавижу большевиков, но если вспыхнет война, я немедленно пойду защищать Россию независимо от того, находится ли у власти большевики или другие. И так поступят все русские патриоты“.

(„П. Н.“)

Что будет с пятилеткой.

„Что будет с 5-летним планом“ — так озаглавлено очередное письмо московского корреспондента „Фоссиш Цейтунг“, Вильма Штейна.

Со времени голода 1921 г. население Сов. России ни разу еще не готовилось к зиме с таким ужасом, как сейчас. К голоду прибавился и холод.

Начались уже морозы, а топливо так же трудно достать, как продовольствие. Вот результаты второго года пятилетки, окончание которого официально возвещалось, как наступление новой эры. 5-летний план, которым большевики не так давно пугали Европу, стал сейчас пугалом только для России.

Но кризис пятилетки далеко не исчерпывается голодом и лишениями населения. Плохо обстоит с финансовой стороной плана. Стоимость продукции не только не уменьшилась, но даже увеличилась: качество товаров ухудшилось; производительность труда уменьшается; внутренние займы, несмотря на принудительные меры, успеха не имеют; цены растут.

Еще хуже положение в деревне. Форсированная коллективизация поглощает огромные суммы, а между тем, по мере ликвидации зажиточных хозяйств, налоговые поступления сокращаются. С хлебозаготовками тоже обстоит неважно. Плохо и с госпромышленностью. За недостатком сырья, много заводов и фабрик бездействует. Постройка новых заводов приостановлена вследствие недостатка строительных материалов.

Все более явственно начинает сказываться физическая и психологическая усталость населения. Рабочие, крестьяне, сов. служащие, техники, — все они израсходовали в связи с пятилеткой огромные запасы энергии. Но когда убедились, что при столь напряженной работе личное положение не только не улучшается, но даже ухудшается, — энергия стала быстро спадать. В Москве пользуется сейчас популярностью следующий анекдот. Один советский гражданин спрашивает другого: „Как дела? — Спасибо, — отвечает тот, лучше чем в будущем году“. Неудивительно, что при таких настроениях число дезертиров с фронта пятилетки, „летунов“ и пр. все возрастает.

Для многих, если не для всех уже ясно, что жизнь разбита иллюзии тех, которые надеялись так быстро обогнать Европу, что 5-летний план не удастся провести ни в 4, ни в 5 лет.

(„П. Н.“)

Казаки!

Подписывайтесь на свой журнал

„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.

В редакции „В. К.“ продается книга И. Ф. Быкадорова
„ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА“. Кн. I.
 Цена 20 корон ч.-сл. (0.60 ам. долл.).

Открыта подписка
 на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochová, 130. Tchecoslovaquie.
 Подписную плату посылать только по адресу редакции.